Диалектическое развитие категорий в экономической системе Маркса[1]).

И. Рубин.

1. Предмет политической экономии.

Я не ставлю себе целью дать исчерпывающее или хотя бы полное изложение избранной мною темы. Полная разработка вопроса о диалектическом развитии категорий у Маркса требует соединенных усилий многих товарищей, как экономистов, так и философов. Я ограничиваю свою тему двояко: во-первых, я не буду касаться философских основ диалектического метода— это дело философов. Мы, экономисты, берем основные положения диалектического метода в той общей форме, как они изложены у Маркса и Энгельса, и наша задача заключается в том, чтобы показать применение Марксом в «Капитале» к различным экономическим категориям основных положений диалектического метода. Второе ограничение следующее: диалектическая логика обладает таким богатством форм мышления, что пытаться исчерпать их в одном докладе является делом непосильным. Поэтому я поставил себе задачей проследить, как Маркс применяет к экономическим категориям трех томов «Капитала» основной закон диалектики, — закон единства противоположностей,—в соединении с законом отрицания.

Раз мы говорим о диалектическом развитии категорий, то мы предполагаем, что вся система экономических категорий Маркса представляет собою единую, стройную систему, проникнутую внутренним единством, внутренней согласованностью всех своих частей. Иначе говоря, мы предполагаем единую стройную систему экономических категорий, отражающую единую, хотя и исполненную величайших противоречий, систему производственных отношений людей.

Тут перед нами встает следующий вопрос: если мы берем систему производственных отношений, как целое, не отрываем ли мы тем самым эту систему от развития материальных производительных сил. Не правы ли те критики, которые говорят, что мы отрываем производственные отношения от производительных сил? Не правы ли те критики, которые говорят, что предметом политической экономии являются в одинаковой мере, на равноправных началах, как производственные отношения людей в капиталистическом обществе, так и производительные силы? Иначе говоря, мы должны начать с вопроса о предмете политической экономии. По этому вопросу сейчас разгорелись и разгораются оживленные прения, при чем наметилось два течения: одни экономисты придерживаются старого марксистского учения, согласно которому политическая экономия есть наука о производственных отношениях

[1]) Исправленная и дополненная стенограмма доклада, прочитанного 30 марта 1929 г. на диспуте в Институте Красной Профессуры. Материалы диспута будут полностью изданы в виде отдельной книжки.

людей в капиталистическом обществе; другие экономисты, не имея мужества прямо опровергнуть это старое марксистское определение, хотят сломить его острие, притупить это резкое и яркое марксистское определение. Они требуют включения производительных сил в непосредственный предмет исследования политической экономии.

Как же обстоит дело с этим вопросом, который сейчас разделяет экономистов-марксистов? С. Бессонов в своей статье [1]) дал следующую формулировку: политическая экономия изучает «связь и противоречия между производительными силами и производственными отношениями». Он забывает, что изучить связь и противоречия между производительными силами и производственными отношениями мы можем с двух сторон—и со стороны производственных отношений, и со стороны производительных сил.

В теоретической политической экономии мы берем предметом своего изучения непосредственно производственные отношения людей в капиталистическом хозяйстве и ставим себе целью открыть все закономерности в этой сфере явлений. Но ведь производственные отношения развиваются в зависимости от изменения производительных сил и, в свою очередь, оказывают обратное воздействие на развитие производительных сил. Поэтому для об'яснения развития производственных отношений мы должны постоянно апеллировать к развитию производительных сил. Как мы апеллируем к развитию производительных сил? Во-первых, прежде, чем начать исследование всей системы производственных отношений капиталистического хозяйства, мы должны выяснить, какое именно развитие производительных сил вызвало к жизни данную систему производственных отношений. Но этого мало. На всем протяжении нашего исследования мы должны искать причины изменения экономических форм и производственных отношений людей в сфере развития материальных производительных сил. При переходе от одних форм к другим, при переходе от стоимости к капиталу, при об'яснении того, почему капитал разделяется на промышленный, торговый и денежный,—мы должны искать в сфере материальных производительных сил те движущие причины, которые вызывают изменения производственных отношений людей. Не всегда мы можем указать точно эти причины, исходящие из сферы материального производства, не всегда Маркс указывал нам, какие именно изменения производительных сил вызывали то или иное изменение производственных отношений. Но принципиальный наш долг, наша обязанность—искать причины изменения производственных отношений в сфере развития материальных производительных сил.

Мы должны вместе с тем изучить и обратное воздействие производственных отношений на производительные силы. Но это никоим образом не значит, что мы производительные силы делаем непосредственным об'ектом нашего исследования,—и всякий человек, знакомый с элементарными принципами классификации наук, поймет это без труда. Различные науки изучают различные стороны единой реальной действительности. Различные общественные науки изучают различные стороны жизни общества. При неразрывной связи и взаимодействии различных сторон жизни общества, каждая наука, изучающая одну сторону жизни общества, должна постоянно включать в свое исследование для об'яснения своего об'екта явления соседней области, те явления, которые служат непосредственным предметом исследования других, соседних наук. Например, наука, изучающая право, не может понять развитие права, не апеллируя к развитию хозяйства и в частности к развитию материальных производительных сил. В про-

[1]) См. журнал «Проблемы Экономики» 1929 г., № 1, стр. 129. Ответ мой на эту статью Бессонова будет помещен в № 3 журнала «Проблемы Экономики».

тивном случае такая наука о праве не была бы марксистской наукой. Но тем не менее эта наука о праве не делает предметом своего исследования хозяйство. Политическая экономия для об'яснения производственных отношений людей и их изменений должна апеллировать к развитию материальных производительных сил, но мы при этом в политической экономии не ставим себе целью изучить все закономерности, имеющие место в сфере развития материальных производительных сил. Мы привлекаем их в наше исследование лишь постольку, поскольку это нам необходимо для об'яснения закономерностей изменения производственных отношений людей. И даже в этом случае, привлекая материал из области производительных сил, мы не столько сами специально занимаемся анализом и исследованием этого материала, сколько пользуемся данными, уже добытыми в соседних науках. Поэтому мы заинтересованы в том, чтобы наука об общественной технике получила достаточное развитие и могла бы дать нам достаточно материала о развитии производительных сил при капитализме с тем, чтобы мы эти материалы использовали для об'яснения развития производственных отношений людей. А это и значит, что для нас в политической экономии непосредственным об'ектом исследования являются производственные отношения людей. Предпосылкой же нашего исследования являются материальные производительные силы.

Часто приходится слышать такой упрек: раз вы отводите производительным силам роль предпосылки, значит, вы отводите им какое-то скромное место в развитии общества, вы отрицаете их роль движущей причины всего общественного развития. Это возражение основано на грубом недоразумении. Слово «предпосылка» не противопоставляется нами слову «движущая причина». Всякий марксист обязан признать, что движущей причиной всего общественного развития является именно развитие материальных производительных сил. Но эта движущая причина всего общественного развития не изучается нами в теоретической политической экономии. Мы постоянно прибегаем к развитию производительных сил для об'яснения производственных отношений людей, а это и значит, что материальные производительные силы являются предпосылкой нашего исследования. Слово «предпосылка» не противопоставляется «движущей причине». Это слово противопоставляется «об'екту» исследования. Каждая наука имеет свой непосредственный об'ект исследования. Все соседние явления, которые привлекаются нами в данную науку постольку, поскольку они необходимы для об'яснения непосредственного об'екта нашего исследования, называются в науке предпосылкой исследования. Всякий, кто не понимает этого деления, не понимает азбуки классификации наук, азбуки разделения труда между различными науками.

Прибегнем к примеру для иллюстрации этой мысли. Всякому понятно, что существует неразрывная связь между ростом технического состава капитала и ростом органического состава капитала. Но вместе с тем всякий изучающий «Капитал» знает, что непосредственным предметом своего исследования Маркс делает рост органического состава капитала, т.-е. рост стоимостных отношений частей капитала, поскольку эти стоимостные отношения отражают изменения пропорции между мертвыми средствами производства и живым трудом, т.-е. поскольку они отражают изменения, происходящие в сфере техники, в сфере материальных производительных сил. Значит ли это, что Маркс сделал непосредственным предметом своего исследования рост технического состава капитала? Всякий, читавший «Капитал», знает, что Маркс этого не делал. Маркс дал нам основную формулу роста технического состава капитала для того, чтобы об'яснить рост органического состава капитала, а после этого он подробно исследует влияние роста органического состава капитала на

концентрацию производства, на рост резервной рабочей армии и т. д. Словом, он исследует производственные отношения между людьми, находящие свое выражение в целом ряде экономических явлений, между тем как рост технического состава капитала является для Маркса основой, предпосылкой, но не непосредственным об'ектом его исследования. Если бы Маркс захотел исследовать непосредственно рост технического состава капитала, он должен был бы собрать огромнейший материал, рисующий рост мертвых средств производства по сравнению с живым трудом. Он должен был бы дать огромный материал, рисующий развитие и состояние техники в капиталистическом обществе. Маркс этого не делал, потому что такого рода специальное исследование изменений в сфере техники между мертвыми средствами производства и живым трудом,—исследование, весьма необходимое и могущее пролить много света на развитие экономических явлений,—не может входить непосредственно в ту экономическую систему, которую дает Маркс.

Бессонов возражает против существования двух наук, из которых одна изучает производительные силы, а другая—производственные отношения капиталистического общества. Повидимому, он думает, что существование двух наук создаст разрыв между производительными силами и производственными отношениями. Но ведь было бы в высшей степени наивно думать, что для сохранения связи между двумя явлениями вы должны непременно изучать их в одной науке. Неужели связь между производительными силами и производственными отношениями будет гарантирована тем, что мы будем изучать их в одной науке? Такого рода соединение различных сторон хозяйственной жизни, отличающихся по своей природе и закономерностям своего развития, в одну науку ни в малейшей мере не гарантирует вас от разрыва между этими двумя сторонами; и, наоборот, вы можете изучать эти две стороны в двух разных науках, но заранее изучайте каждую сторону как часть единого хозяйственного процесса, часть, предполагающую другую его сторону и находящуюся с нею в неразрывной связи. Только этим вы предохраните себя от разрыва, но никоим образом не тем, что вы соедините несоединимое, что вы произведете насилие над теоретической политической экономией, что вы захотите разорвать весь строй экономической системы, изложенной в «Капитале» Маркса.

Бессонов говорит, что я «выдумываю» новые науки: науку об общественной технике и науку о производственных отношениях людей. С гораздо бóльшим правом я мог бы утверждать, что Бессонов хочет выдумать единую науку, которая изучает и производственные отношения людей, и производительные силы. Ведь мы, марксисты, всегда гордимся тем, что, как только мы начинаем рассуждать о производстве, о хозяйстве, мы проводим точное различие между отношением человека к природе и между отношением людей к людям. Мы считали это всегда преимуществом марксистской науки по сравнению с буржуазной. Мы всегда смеялись над буржуазными учеными, которые рассуждают на протяжении многих томов о производстве, не давая себе труда выяснить, идет ли речь о материально-технической стороне производства или о производственных отношениях людей. Как я дальше покажу, все марксисты, и Ленин в том числе, как только начинали говорить о производстве, проводили ясное различие между материально-техническим процессом производства и производственными отношениями людей. Маркс всегда говорил, что политическая экономия изучает производственные отношения людей, в то время как материально-технический процесс производства относится к сфере технологии. Маркс подчеркивает необходимость разработки особой науки, «критической истории технологии», которая должна исследовать «материальный базис каждой особой общественной организации» («Капитал», т. I, гл. 13, прим. 89). Поэтому я и указал в «Очерках», что материальные производительные силы изучаются специаль-

ной наукой об общественной технике, наукой, которая должна получить огромное развитие.

Конечно, материальные производительные силы суть явление социальное. Они изменяются в ходе исторического развития и вызывают изменения производственных отношений людей. Значит, материальные производительные силы суть также явление историческое и социальное, как и производственные отношения людей. Но ведь мы не обязаны в одну науку включать все социальные явления. То обстоятельство, что производительные силы представляют собой социальное явление, никоим образом не обязывает нас включать их в непосредственный предмет нашего изучения. Те экономисты, которые хотят выдумать новую единую науку о хозяйстве, забывают, что каждая наука есть продукт долгого исторического развития, и что мы, марксисты, обязаны и к самой науке подойти с исторической точки зрения. Мы не можем представлять себе нашу задачу таким образом, будто мы можем сейчас сесть за стол и заново составить классификацию наук. Такой взгляд был бы неисторическим, немарксистским взглядом.

О чем мы спорим? О том ли, какой об'ект нам нужно избрать для науки, которую мы в будущем выдумаем и создадим, или мы спорим о том, что является на деле об'ектом той политической экономии, которая развивалась в течение двух столетий и нашла свое завершение в системе Маркса? Мы спорим сейчас именно о последнем. Политическая экономия, которая в «Капитале» Маркса получила стройную, законченную форму, есть наука о производственных отношениях людей. Можно даже об'яснить, почему в силу исторической необходимости она стала наукой о производственных отношениях людей. С чего началась политическая экономия? Она началась с рассуждений и споров меркантилистов XVII в. о заработной плате, о прибыли, о ренте, т.-е. она началась с вопросов, относящихся к распределению совокупной стоимости между различными общественными классами. Она отражала борьбу общественных классов за их позиции в данной системе производственных отношений людей. Политическая экономия сложилась в результате ожесточенной борьбы разных классов и групп. Она сложилась, как наука о заработной плате, прибыли, ренте, словом, как наука о системе стоимостей, или о производственных отношениях людей. Различные буржуазные школы боролись за укрепление своих позиций в рамках данной, капиталистической системы производственных отношений людей. Маркс поставил вопрос на недосягаемую высоту тем, что он заговорил о самой смене производственных отношений людей, о разрушении всей системы производственных отношений капиталистического хозяйства и замене их новой системой,—социалистическим хозяйством. Именно эта грандиозная задача, вставшая перед Марксом, как идеологом рабочего класса, и побудила Маркса определить политическую экономию как науку о производственных отношениях людей.

В чем же заключалась та жестокая критика, которую Маркс направил против буржуазной экономии? Она заключалась в следующем: буржуазные экономисты доказывали, что основные явления капитализма—прибыль, заработная плата, процент, рента—необходимо вытекают из самой природы процесса производства и не могут быть изменены при изменении социальной формы хозяйства. Маркс же говорил буржуазным экономистам: все те явления, которые вы приписываете процессу производства как таковому, являются результатом капиталистической формы процесса производства, все эти явления носят исторический, преходящий характер, связанный с данной социальной системой производственных отношений людей. Следовательно,—говорил Маркс,—когда развитие производительных сил вызовет необходимость ломки старой системы производственных отно-

шений людей, все экономические законы приобретут иной вид, все экономические явления будут иными. Вот каково было наиболее острое критическое оружие, при помощи которого Маркс боролся с вульгарной политической экономией. Этим острым критическим оружием было учение о том, что все экономические явления представляют собой выражение производственных отношений людей. Всякий, кто хочет выбросить это определение политической экономии как науки о производственных отношениях людей, легкомысленно отказывается от наиболее острого оружия, при помощи которого марксистская наука достигла огромных успехов. Наши критики должны отдать себе отчет в том, что они отказываются от того определения, которое разделялось всеми без исключения марксистами и которое неоднократно повторялось в трудах Маркса, Энгельса, Плеханова, Ленина, Гильфердинга, Р. Люксембург и др.

В следующих выражениях Плеханов характеризует революционный переворот в науке, произведенный Марксом: «Экономические категории сами выражают собой не что иное, как взаимные отношения людей, или целых классов общества, в общественном процессе производства. Экономическая наука только тогда и встала на правильную точку зрения, когда поняла это и занялась исследованием тех взаимных отношений, которые скрываются за мнимыми качествами вещей и за таинственными свойствами экономических категорий» (т. VI, стр. 170). Маркс не уставал повторять на каждом шагу, что все экономические категории суть выражение производственных отношений людей. Стоимость есть выражение производственных отношений людей, деньги есть выражение производственных отношений людей, капитал есть выражение производственных отношений людей. Маркс произвел революцию в науке, в частности в учении о капитале, благодаря тому, что он увидел в капитале выражение производственных отношений людей. И в «Нищете философии» (1928 г., стр. 105) Маркс говорит, что «экономические категории представляют собой лишь теоретические выражения, абстракции общественных отношений производства». Эту мысль повторяет и Энгельс: «В политической экономии речь идет не о вещах, а об отношениях между лицами, в последней же инстанции между классами; но эти отношения всегда связаны с вещами и проявляются как вещи» («Под Знаменем Марксизма», 1923 г., № 2—3, стр. 56). Это же определение неоднократно повторялось Лениным в самых различных его сочинениях и в самых различных комбинациях. Он писал, что предметом политической экономии является «вовсе не «производство материальных ценностей», как часто говорят (это—предмет технологии), а общественные отношения людей по производству» (Ленин, К характеристике экономического романтизма, гл. XI). Ленин так дорожил этим старым марксистским различением двух сторон процесса производства, что повторял его почти во всех своих работах. Он об этом говорит и в книге о Сисмонди, и в работе «Что такое «друзья народа»?», и в рецензии на книгу Богданова; всюду вы найдете подчеркивание той мысли, что политическая экономия изучает общественные отношения людей. Мы требуем от наших критиков прямого и ясного ответа—согласны ли они с этим старым марксистским определением предмета политической экономии или нет?

...Если они согласны, что предметом политической экономии являются производственные отношения людей, если они только подчеркивают, что при изучении производственных отношений людей мы должны постоянно апеллировать к развитию производительных сил, как той движущей причине, которая вызывает изменение производственных отношений людей,— тогда может быть найдена почва для взаимного сближения точек зрения на предмет политической экономии. Если же они идут по пути отказа от старого марксистского определения политической экономии, как науки о про-

изводственных отношений людей, если они говорят, как сегодня Бессонов пишет в своих тезисах, что и производственные отношения и производительные силы представляют собой «равноправный» предмет изучения политической экономии, то этим они отказываются от определения, которое всегда разделялось всеми без исключения марксистами. Этим они вносят величайшую путаницу в определение предмета политической экономии. Они запутывают вопрос, разрешенный благодаря гениальным усилиям Маркса. Они стирают основную грань между марксистской и буржуазной политической экономией.

Я не хочу затруднять вас цитатами, но я могу вам показать на примере Касселя, одного из властителей дум современной буржуазной политической экономии, что все старания Касселя направлены именно на то, чтобы показать, что основные экономические явления, в частности прибыль и процент, вытекают необходимо из материальных особенностей процесса производства. Именно для борьбы с этим основным направлением буржуазной мысли мы должны сохранить острое оружие критики, данное нам Марксом и заключающееся в том, что мы все экономические явления рассматриваем, как выражение производственных отношений людей. Более того, я скажу даже, что те товарищи, которые так об'ясняются в любви к производительным силам, на самом деле все исследование производительных сил хотят свести к тем немногим главам, тем отдельным замечаниям, которым мы можем уделить место в сфере нашей науки, в сфере теоретической политической экономии. Они игнорируют тот факт, что для изучения закономерностей развития производительных сил при капитализме нужно собрать обширнейший материал, нужно подвергнуть его тщательному анализу и исследованию, нужна специальная наука, которая отчасти и создается. Те товарищи, которые требуют включения производительных сил в предмет политической экономии, в сущности говоря, могут только тормозить развитие науки о производительных силах, в том числе развитие науки, специально изучающей производительные силы капиталистического хозяйства.

Для предотвращения разрыва между производительными силами и производственными отношениями нам не надо соединять обе эти стороны непременно в одной науке, а мы должны определить производственные отношения так, чтобы они были неразрывно связаны с производительными силами, и должны на каждом этапе нашего исследования апеллировать к развитию материальных производительных сил. Во избежание недоразумений повторяю опять, что каждый марксист должен быть горячим сторонником об'яснения всех изменений производственных отношений изменениями материальных производительных сил. Если бы вы могли доказать, что функция платежного средства развилась из функции средства обращения непосредственно под влиянием материального процесса производства, это была бы большая победа марксистской политической экономии. Пока мы этого еще не сделали. Пока мы еще не всегда можем указать те причины, которые вызвали, например, появление данной функции денег, мы еще не можем на каждом этапе исследования указать точно все причины изменения экономических форм, заключающиеся в развитии материальных производительных сил. Но в общем и целом мы можем и должны это делать, однако не смешивая различия между различными сторонами процесса производства и оставаясь всецело на почве старого марксистского определения политической экономии, как науки о производственных отношениях людей.

Многие товарищи говорят: а зачем Маркс в «Капитале» уделил такое большое внимание вопросам технологии, вопросам развития техники? Но,

товарищи, читайте Маркса, не выхватывая отдельные страницы, а беря его во всей связи его идей. Возьмем пример. Маркс пишет о развитии машин. В большой 13-й главе, занимающей 115 страниц, Маркс первые 12 страниц уделяет развитию машин для того, чтобы получить базис для своего дальнейшего исследования, и после этого первого пункта о развитии машин вы видите еще девять пунктов, в которых изучается влияние развития машин на производственные отношения людей. Второй пункт говорит о стоимости, о переносе стоимости машин на продукты, третий о действии машин на рабочих, четвертый о фабриках, пятый о борьбе рабочих с машинами, дальнейшие пункты говорят о теории компенсации, об отталкивании и притяжении рабочих, влиянии машин на ремесло и, наконец, о фабричном законодательстве. Целый ряд экономических явлений выведен Марксом из факта развития машин. Более того, если вы прочтете эти 12 страниц, посвященные развитию машин, то увидите, что Маркс начинает с введения машин, как способа производства прибавочной стоимости, и кончает опять-таки изучением машин, как специфического способа повышения прибавочной стоимости. Со времени написания «Капитала» прошло 60 лет. С этих пор история техники, в частности история машин, сделала огромные успехи. Теперь экономисту уже не приходится, как Марксу, добывать из отдельных разбросанных замечаний сведения об истории машин, и я спрашиваю: можно ли включить десятки и сотни сочинений по истории техники в ту теоретическую систему, которая нам дана Марксом? Достаточно конкретно поставить вопрос о той действительной классификации наук, которая создалась в результате их двухсотлетнего развития, достаточно посмотреть открытыми глазами на то действительное разделение труда, которое установилось между науками, и вы увидите, что всякий разговор о равноправном включении производительных сил и производственных отношений в сферу политической экономии представляет собою пустую фразу, за которой невозможно вскрыть никакое действительное содержание. В вопросе о предмете политической экономии мы обязаны остаться на старой позиции Маркса, мы обязаны сохранить определение политической экономии, как науки о производственных отношениях людей. Мы должны постоянно подчеркивать, что производственные отношения являются только одной стороной процесса производства, и развитие их всецело обусловлено движением материальных производительных сил. Для об'яснения изменений производственных отношений людей мы должны искать соответствующую причину в материальном процессе производства. Но непосредственным предметом нашего исследования в теоретической политической экономии остаются производственные отношения людей.

2. Диалектическое единство системы производственных отношений

Перехожу ко второму пункту доклада—к вопросу о диалектическом единстве системы производственных отношений людей. Мы пришли к выводу, что производственные отношения изменяются в зависимости от развития материальных производительных сил, но тут перед нами встает следующий вопрос: если производственные отношения изменяются под влиянием изменения материальных производительных сил, сохраняется ли единство всей системы производственных отношений, свойственных данной формации хозяйства? Правда, некоторые критики отрицают самое существование этой единой системы производственных отношений людей. Бессонов в своих тезисах пишет: «Политическая экономия изучает не «систему» производственных отношений, потому что «система» есть нечто застывшее и законченное, а, наоборот, «производственные отношения данного исторически определен-

ного общества в их возникновении, развитии и упадке». (Последние слова взяты из сочинений Ленина). Словом, предметом исследования политической экономии Бессонов признает не систему производственных отношений, а наоборот, их развитие. Но как можно противопоставлять «систему» ее «развитию»? Почему не можем мы изучать систему производственных отношений в ее возникновении, развитии и упадке? Предположим, что мы примем всерьез тезис Бессонова, что политическая экономия изучает не систему производственных отношений. В таком случае, что мы сделаем с тем положением Маркса, которое говорит, что мы изучаем «экономическую структуру»? Ведь величайшая заслуга Маркса заключалась именно в том, что он нашел разные экономические структуры, разные социальные формации. Ленин в своей старой работе «Что такое «друзья народа»? много раз указывал, что в этом заключалась величайшая заслуга Маркса. Маркс сумел из множества разрозненных, запутанных общественных отношений выделить экономическую структуру, как единство производственных отношений данного общества. Разве экономическая структура не есть система? Разве экономическая формация не есть система? И у Ленина в «Что такое «друзья народа»?» вы найдете следующую фразу: Маркс «берет одну из общественно-экономических формаций—с и с т е м у товарного хозяйства» (Ленин, т. I, стр. 72). «Система товарного хозяйства», «система капиталистического хозяйства»,—повидимому, Бессонов, считает, что так выражаться нельзя, ибо система означает, по его мнению, нечто застывшее.

Маркс всегда считал, что производственные отношения представляют собой известную единую, связанную в своих частях систему. В «Нищете философии» (1928 г., стр. 106). Маркс пишет: «В каждом обществе производственные отношения образуют одно целое». Что это означает? Это означает, что они составляют систему. Правда, Маркс не говорит, что это система застывшая и неизменная, как пишет Бессонов, но ведь бывают системы,—и даже все системы в мире, скажу ему по секрету,—которые возникают, развиваются и гибнут. В конце «Критики политической экономии» Маркс пишет о Туке. Он говорит, что Тук изучал не односторонне ту или иную функцию денег, а изучал различные функции денег, но, говорит Маркс, он сделал это «без органической связи этих моментов, как друг с другом, так и с совокупной системой экономических категорий». Как видите, Маркс говорит о «системе экономических категорий». Как можно отрицать, что производственные отношения представляют собой единую систему?

Энгельс в своей статье о «Критике» считал нужным подчеркнуть, что «со времени смерти Гегеля вряд ли были попытки развить науку в ее собственной внутренней связи». Он считал, что «Критика» Маркса есть попытка рассмотреть эту внутреннюю связь всех частей данной науки, т.-е. рассмотреть в целом данную систему экономических категорий и выражаемых ими экономических отношений людей.

Еще резче вы найдете об этом у Ленина в его записках о Логике Гегеля недавно изданных. Там Ленин дает следующую резкую формулировку: «Как простая форма стоимости, отдельный акт обмена одного, данного товара на другой, уже включает в себе в неразвернутой форме в с е главные противоречия капитализма» (Ленинский сборник IX, стр. 197). Если у вас нет системы экономических категорий, как же эта форма стоимости может заключать в себе в неразвернутой форме главные противоречия капитализма?

Итак, производственные отношения капиталистического хозяйства и соответствующие им экономические категории составляют определенную единую, связанную в своих частях, систему, в которой одна форма исторически возникает из другой формы и действует на основе другой формы. Но вместе с тем мы только что говорили, что производственные отношения изменяются в зависимости от изменения материальных производительных

сил. Как нам разрешить это кажущееся противоречие? С одной стороны, все производственные отношения связаны между собой и образуют известную систему, а, с другой стороны, производственные отношения изменяются в зависимости от изменения материальных производительных сил.

Система категорий политической экономии представляет собой развивающуюся и усложняющуюся систему различных производственных отношений, выраженных в различных социальных формах,—в социальной форме стоимости, капитала и т. д. Возникает ли социальная форма капитала из социальной формы стоимости или из развития материальных производительных сил? Я нарочно ставлю вопрос в такой нелепой форме: или—или, чтобы показать вам невозможность постановки вопроса в этой недиалектической форме. Мы знаем, как возникла эта социальная форма капитала. Мы знаем, что раньше существовало, хотя и не было достаточно развито, простое товарное хозяйство, представляющее собой единство производительных сил и их общественной формы. В частности, в простом товарном хозяйстве существовала, хотя и в недостаточно развитом виде, социальная форма стоимости. Мы знаем, что, под давлением именно развития материальных производительных сил производственные отношения между простыми товаропроизводителями перерастали в производственные отношения капиталистического типа. Мы знаем, что это не было перерастанием только количественным, это было перерастание качественное, это был целый исторический переворот, скачок. Бессонов обвиняет меня в том, что у меня не получается скачка между различными общественными формациями. Я прямо написал в «Очерках», (стр. 102), что «для превращения денег в капитал необходим был огромный исторический переворот, описанный Марксом в главе о первоначальном капиталистическом накоплении». Одна социальная форма возникает из другой более простой социальной формы под влиянием изменения материальных производительных сил. Но она возникает не в пустом безвоздушном пространстве, она не возникает непосредственно как пассивный рефлекс данного состояния производительных сил, вне связи с другими социальными формами, другими производственными отношениями людей.

Итак, на поставленный выше вопрос правильно будет ответить таким образом: в пределах данной системы хозяйства каждая сложная форма производственных отношений людей возникает из более простой формы производственных отношений под давлением изменения производительных сил. Переводя эту формулировку с языка производственных отношений на язык экономических категорий или форм, мы получаем такой вывод: в пределах данной системы хозяйства каждая экономическая категория или форма возникает из развития предыдущей, более простой экономической категории или формы под давлением развития производительных сил.

Вы видите теперь всю необоснованность упрека, брошенного мне некоторыми критиками. «Вывести форму из формы — вот замкнутый круг схоластической мысли Рубина. Вывести социальную форму из отличного от нее содержания — таков действительный ход мысли Маркса». (Рецензия С. Бессонова в «Изв. ЦИК», 30 ноября 1928 г.). Это именно та ложная, недиалектическая постановка вопроса «или—или», о которой я говорил выше. Сложная социальная форма возникает *или* из более простой социальной формы, *или* из отличного от нее содержания,—так ставит вопрос критик. Сложная социальная форма возникает из более простой социальной формы под давлением определенного развития содержания, т.-е. материальных производительных сил,—так отвечаем мы в полном согласии с Марксом. Критик приписывает нам мысль о непорочном зачатии одной социальной формы из другой, без вмешательства греховной материи производительных сил. Но этот упрек лишен малейшего основания. Критик забывает, что под каждой социальной формой скрываются производственные отношения

многих миллионов людей, ежедневно повторяющиеся и представляющие собой огромное многообразие. Это—постоянное море движения, в котором безостановочно происходит процесс изменения производственных отношений под влиянием развития производительных сил и появляются новые типы производственных отношений людей. Когда вы мыслите на языке категорий или социальных форм, вам кажется странным это рождение новой, более сложной формы из предыдущей, более простой, потому что социальная форма рассматривается вами как нечто статическое и застывшее. Но если вы вспомните, что под каждой социальной формой скрываются повседневно повторяющиеся отношения множества людей, то вы уже найдете здесь элемент динамический, наличие огромного многообразия, которое дает возможность постоянного развития,—разумеется, под влиянием развития производительных сил.

Мы должны остерегаться двух крайностей. Первая крайность могла бы заключаться в следующем. Мы берем определенную социальную форму (напр., стоимость) и путем диалектического развития данного понятия пытаемся вывести из него целый ряд других социальных форм (деньги, капитал и т. д.), не прибегая для об'яснения этого развития к процессу движения материальных производительных сил. Это значило бы заменить диалектику предмета или реальных явлений диалектикою понятий. Но именно против этого я всегда возражал. В «Очерках» (3-е изд., стр. 102) я писал: «Одно понятие превращается у Маркса в другое не в силу имманентного логического развития, а при наличии целого ряда привходящих социально-экономических условий». Недаром некоторые критики, склоняющиеся к диалектике понятий, упрекали меня в замене «абстрактного» метода «конкретно-описательным».

Изложенное показывает всю неосновательность выдвинутого против меня С. Бессоновым обвинения в склонности к «саморазвитию понятий». Но из-за законной боязни саморазвития понятий мы не должны впадать в противоположную крайность и разрывать диалектическую связь между разными социальными формами. Если вы будете каждую экономическую форму рассматривать, как непосредственный пассивный рефлекс изменения в материальном процессе производства, тогда вся схема общественного развития приобретает следующий неправильный вид. Существует данное состояние материального процесса производства и соответствующее ему производственное отношение людей, или социальная форма. После этого изменился материальный процесс производства, он приобрел новый вид, и мы, забыв о нашей прежней социальной форме, которая уже существовала и действовала, рассматриваем новую социальную форму, как пассивный рефлекс нового состояния производительных сил, который возникает на пустом месте, вне всякой связи с уже существовавшими социальными формами. Это значит разрывать диалектическую связь всех социальных форм. Ваша новая, более сложная социальная форма возникла не непосредственно из производительных сил, а из предыдущей, более простой социальной формы. Новое производственное отношение людей возникло из прежних производственных отношений под давлением развития материальных производительных сил. Только при таком понимании вы можете сохранить внутреннее единство и диалектическую стройность всей марксовой экономической теории, в которой все социальные формы (стоимость, деньги, капитал и т. д.) неразрывно связаны между собою, как в своем историческом возникновении, так и в своем одновременном действии.

Если бы Бессонов довел свою мысль до конца, то у него получилась бы такого рода картина. Существует определенное состояние производительных сил; ему соответствуют определенные производственные отношения. Изменилось (в пределах данной экономической формации) состояние производительных сил, ему соответствуют новые производственные отношения, не имеющие с предыдущими ничего общего. Так сказать, двухэтажные домики, в нижнем этаже производительные силы, в верхнем

производственные отношения, рядом с данным домиком, вне всякой связи с ним, стоит другой домик. Бессонов согласен допустить проходы в нижних этажах, но верхние этажи не должны никоим образом между собой сообщаться. Более сложная форма производственных отношений людей не имеет ничего общего с предыдущей, более простой формой производственных отношений, а является непосредственным пассивным рефлексом производительных сил. Словом, настоящая система английских, или, если вам не нравится это название, система шотландских коттеджей, которые стоят рядом друг с другом и не сообщаются. И я ставлю критикам следующий вопрос: при вашем понимании зависимости производственных отношений от производительных сил как можете вы себе мыслить диалектическое единство всех экономических категорий? Как можете вы об'яснить слова Ленина, что в простой форме стоимости заключаются в неразвернутой форме все противоречия капитализма? Как можете вы сохранить единство всей системы производственных отношений и единство всей системы экономических категорий, которые у Маркса составляют содержание трех томов «Капитала»? Бессонов в тезисах очень последовательно отрицает существование «системы» производственных отношений людей. Можно думать, что он будет и далее последовательным и будет отрицать диалектическое единство всей системы экономических категорий, которые составляют содержание трех томов «Капитала» Маркса.

Сознавая, что в вопросе о предмете политической экономии мы стоим на ортодоксальной марксистской точке зрения, наши критики делают поворот и бросают нам другое обвинение. Они обвиняют нас в том, что мы изучаем не производственные отношения людей, а лишь вещную форму их проявления. Они говорят, что за вещной формой проявления у нас исчезают производственные отношения людей. Итак, раньше нас обвиняли в том, что мы изучаем производственные отношения, а не производительные силы, теперь нас обвиняют в том, что мы изучаем не производственные отношения, а вещную форму их проявления. Отсюда наши критики делают следующий вывод: раз, по их мнению, в «Очерках» вещная форма проявления закрывает собой ткань производственных отношений людей, то стирается всякое различие между разными социальными формациями хозяйства, стирается различие между простым товарным хозяйством, капиталистическим хозяйством и советским хозяйством. Различие типов производственных отношений людей стирается благодаря тому, что имеется одинаковая внешняя форма их проявления, напр., в виде стоимости и денег. Это обвинение у Бессонова зиждется на следующих трех аргументах. Первый аргумент: «Категории капиталистического хозяйства расценены им (Рубиным) как простое усложнение категорий товарного хозяйства. Излишне доказывать, насколько не похожа подобная точка зрения на марксистскую концепцию. Капиталистическое общество, по Марксу, это—не простое «усложнение» товарного хозяйства, это принципиально и н о й тип общества, хотя и на той же товарной основе, появляющийся в результате катаклизма, скачка, а вовсе не в результате простого «усложнения». Этому «скачку», этому катаклизму нет места в «теории» Рубина, для которого все общества, в которых отношения людей прикрыты вещной оболочкой, по сути дела ничем, кроме большей или меньшей сложности, не отличаются друг от друга» (Рецензия Бессонова в «Изв. ЦИК», 30 ноября 1928 г.).

Второй аргумент: Рубин отбрасывает все вопросы о распределении средств производства между разными классами и группами населения и с этой точки зрения опять-таки он стирает, затушевывает различие между простым товарным, капиталистическим и советским хозяйствами.

Третий аргумент: Рубин, придавая преувеличенное значение вещной форме проявления,—стоимости и деньгам, тем самым затушевывает различие производственных отношений людей.

Даже не разбирая этих аргументов, можно заранее сказать, что в данном пункте критики приписывают мне мысли, которые прямо противоречат всему тому, что вытекает из постановки вопроса в «Очерках». Ведь вся постановка «Очерков» направлена к тому, чтобы взять за исходный пункт изучения данную систему производственных отношений людей, данный социальный тип хозяйства, данную экономическую структуру. Я прямо утверждаю, что все экономические явления, изучаемые нашей наукой, связаны именно с данной, капиталистической, системой хозяйства и при другой системе хозяйства не могут иметь места. После того, как я провожу такое резкое различие между разными системами хозяйства, между разными системами производственных отношений, мне бросают упрек, что у меня получаются одинаковые законы для разных социальных форм, для разных экономических структур, для простого товарного хозяйства, для капиталистического и для советского хозяйства.

Разберем последовательно эти аргументы. Первый: Рубин рассматривает капитализм только как усложнение простого товарного хозяйства, а не как скачок. В «Очерках» (стр. 42) я писал: «Экономическая система Маркса изучает ряд усложняющихся типов производственных отношений между людьми, выраженных в ряде усложняющихся социальных форм, приобретаемых вещами». Но на той же 42 странице я написал примечание, которое Бессонов или не читал, или не приводит: «Мы имеем в виду различные виды или типы производственных отношений людей в капиталистическом обществе, а не различные типы производственных отношений, характеризующие различные общественные формации». Вы видите, как в «Очерках» поставлен вопрос. Я беру данный тип хозяйства—капиталистическое хозяйство—и в пределах данной системы изучаю отношение различных, постепенно усложняющихся социальных форм или производственных отношений, как в их историческом возникновении, так и в их одновременном действии. Я подчеркивал, что речь идет об усложнении типов производственных отношений в пределах капиталистического общества, и тут же критик приписывает мне мысль, что простое усложнение, без качественного скачка, является переходом от одной системы производственных отношений к другой.

Второе обвинение: Рубин интересуется вещной формой социальных явлений, их внешней формой проявления, и эта внешняя форма проявления закрывает от него разные типы производственных отношений людей. Говорить так—значит исказить центральную мысль «Очерков». Ведь центральная мысль их заключается в следующем: за каждой социальной формой вещей скрывается определенный тип производственных отношений людей. Если за одной и той же формой внешнего проявления скрываются различные типы производственных отношений людей, мы не должны смешивать эти различные типы производственных отношений, мы должны их разграничить, разделить. Я писал, что «мы об'единяем экономические явления в группы и строим экономические понятия по признаку тождества выражаемых ими производственных отношений людей, а не по признаку совпадения их вещного выражения» (Очерки, стр. 56). Можно ли смешивать форму цены в простом товарном хозяйстве, в капиталистическом хозяйстве, в советском хозяйстве? Можно ли смешивать эту форму цены, когда за нею скрыты совершенно различные производственные отношения людей, основанные на различном распределении средств производства между разными классами? Не будем уже говорить о том, что даже внешняя форма проявления здесь не одна и та же. Даже внешний, поверхностный наблюдатель знает, что цена, которая устанавливается плановыми органами, или органами кооперации, даже с внешней стороны коренным образом отличается от цены, которая устанавливается на основании закона стоимости и стихийного действия рынка. Даже внешняя

форма проявления этих экономических явлений бросается в глаза именно своим различием. Но, независимо от этого, даже если вы иногда не вскрываете различия внешней формы проявления, вы все же обязаны прежде всего рассмотреть тип производственных отношений, скрытый за этой внешней формой проявления. Только при полном извращении основной идеи, положенной в основу «Очерков», можно сказать, что для меня внешняя форма проявления скрывает и затушевывает различие производственных отношений людей. Наоборот, методологическое правило, которое я повторял на каждой странице «Очерков», таково: ищите всюду особенности производственных отношений людей, вскрывайте различие между ними там, где они скрыты за одинаковыми внешними формами проявления. Рассматривайте всюду социальную форму вещей лишь как выражение производственных отношений людей. Мы в политической экономии изучаем социальные формы вещей (стоимость, деньги, капитал, прибыль, зарплату), ибо производственные отношения в капиталистическом хозяйстве овеществлены; но при изучении каждой из этих форм мы должны постоянно обращаться к производственным отношениям людей, скрытым за ними, мы должны рассмотреть роль данных форм, как выражения отношений людей. Вот та основная мысль, которую я старался подчеркнуть в своих «Очерках», а отнюдь не направить ваше внимание от производственных отношений к социальным формам вещей. Я старался вскрыть роль социальных форм вещей, как выражения производственных отношений людей и как регулятора общественного процесса производства.

Третий аргумент Бессонова: Рубин затушевывает различие разных форм хозяйства, потому что он совершенно не интересуется вопросом о распределении средств производства между разными классами населения. В доказательство этого утверждения Бессонов приводит одно, по его словам, «поразительное» место из моих «Очерков». Посмотрим, кого это поразительное место поражает. Это поразительное место—примечание на стр. 40 «Очерков». В этом примечании я пишу, что мы должны отличать друг от друга две проблемы. Одна проблема касается влияния распределения средств производства между классами населения на характер производственных отношений. Эта проблема существует для каждого общества, для феодального так же, как для капиталистического. Другая проблема касается «сращивания» производственных отношений с элементами материального производства, это—проблема товарного фетишизма в узком смысле этого слова. Эта проблема существует только для капиталистического хозяйства. Отсюда Бессонов делает вывод: так как я пишу в примечании, что здесь, где мы изучаем товарный фетишизм, нас интересует именно последняя проблема, значит Рубин совершенно отмежевывается от такой кардинальной проблемы, как зависимость производственных отношений от состояния и распределения производительных сил. А раз так, то Рубин смешивает распределение средств производства между разными классами в простом товарном, капиталистическом и советском хозяйстве. Для него этот вопрос о распределении средств производства не существует.

Приведенный аргумент очень ярко иллюстрирует методы полемики Бессонова. Всякий из нас согласится, что для того, чтобы понять примечание, не вредно читать также и текст. Обычно примечание относится к какому-нибудь тексту, а в тексте (стр. 39—40) я пишу, что закон зависимости производственных отношений от распределения средств производства между разными классами есть «общесоциологический закон, имеющий силу для всех общественных формаций», потому что и «в феодальном обществе производственные отношения между людьми устанавливаются на основе распределения между ними вещей и по поводу вещей, но не через посред-

ство вещей». Значит, для феодального хозяйства существует проблема зависимости производственных отношений от распределения средств производства между разными классами, но не существует проблемы товарного фетишизма. «Особенность же товарно-капиталистического хозяйства заключается в том, что производственные отношения ме ду людь устанавливаются не только по поводу вещей, но и через посредство вещей» (стр. 40). Что же отсюда вытекает? Отсюда вытекает, что для товарно-капиталистического хозяйства существуют две проблемы: одна проблема—зависимости производственных отношений от распределения средств производства, и другая проблема, специфически новая проблема, проблема товарного фетишизма. В примечании на той же 40 странице я прямо писал, что первая проблема имеет силу «в экономической сфере различных общественных формаций». Проблема же товарного фетишизма имеет силу только для капиталистического хозяйства. Итак, смотрите, как умудрились критики извратить мою мысль. Я говорил, что проблема зависимости производственных отношений от распределения средств производства имеет силу для всех формаций, в том числе и для капитализма, я пишу, что для капитализма существует не только эта проблема зависимости производственных отношений от распределения средств производства, но также проблема товарного фетишизма. Бессонов же пишет: для Рубина существует только проблема товарного фетишизма, для него проблема зависимости производственных отношений от распределения средств производства не существует. Там, где я пишу «не только, но и», критики пишут слово «только». Маленькая перемена, но текст от этого значительно меняется. Как видим, прием полемики довольно однообразный. Разница заключается только в следующем: один раз читается текст и не читается примечание, а другой раз читается примечание, но не читается текст.

Итак, первый прием критиков заключается в следующем: там, где автор пишет «не только, но и», критики пишут «только». Второй прием заключается в следующем: критики пишут «только» там, где у автора нет этого слова. На стр. 139 своей статьи Бессонов пишет: Рубин «говорит, что только обмен соединяет в себе неразрывно моменты социально-экономический и материально-вещный»».

Возьмем 26-ю страницу «Очерков», на которую ссылается Бессонов, и увидим, что со слова «обмен» начинается новый абзац. Слово «только» приставлено Бессоновым. Нигде я не утверждаю, что «только» обмен соединяет в себе моменты вещно-технический и социально-экономический. Наоборот, в десятках мест я пишу, что процесс производства имеет тоже две стороны: материально-техническую и социально-экономическую. В данном случае, очевидно, Бессонов не догадывается, что, когда я пишу, что обмен соединяет в себе моменты социально-экономический и вещный, я повторяю фразу, сказанную Марксом десятки раз. Маркс говорит, что обмен заключает в себе «обмен веществ» и «перемену форм».

Третий прием полемики—заключать в кавычки слова и приписывать их мне тогда, как эти слова мною никогда не произносились. На той же странице 139 Бессонов говорит: «Рубин на сотню ладов раз'ясняет нам, что технология... есть нечто, относящееся к «естественным отношениям предметов»». Я знал, что таких слов «естественным отношениям предметов» у меня нет, и после поисков обнаружил в статье Бессонова большую цитату из книги Амонна, из которой видно, что эти слова принадлежат Амонну, хотя приписаны мне. Приведенных примеров достаточно для характеристики полемических приемов наших критиков.

Кончая эту часть доклада, я ставлю своим критикам следующие два основных вопроса. По первому пункту о предмете политической экономии

я ставлю вопрос: признают ли они старое марксистское определение предмета политической экономии, признают ли они, что политическая экономия изучает производственные отношения людей, или у них хватит мужества от этого определения прямо отказаться? По второму пункту я спрашиваю их: если они отрицают существование «системы» производственных отношений людей, если они отрицают, что одни социальные формы возникают из других социальных форм под давлением развития производительных сил, если они разрывают связь между разными социальными формами и экономическими категориями, то как сохраняется диалектическое единство всей системы Маркса?

Отказ от старого марксистского определения предмета политической экономии, отказ от диалектического единства всей системы Маркса,—вот то истинно-«ортодоксальное» учение, которое несут нам Бессонов и другие критики.

Перехожу к вопросу о диалектическом развитии категорий в «Капитале» Маркса. В первую очередь нас будет интересовать, как Маркс применяет закон единства противоположностей, в связи с законом отрицания. Иначе говоря, я не только не отрицаю скачков при переходе от одной системы производственных отношений к другой, но я считаю, что даже внутри данной системы производственных отношений, внутри системы капитализма,—как показывает нам Маркс, переходя от одной категории к другой,—каждая следующая категория является не только дальнейшим развитием предыдущей, но и ее отрицанием. Здесь мы имеем изменение качества производственных отношений внутри данной системы, данной экономической структуры. С точки зрения Маркса, данная группа явлений, в силу присущих ей внутренних противоречий, принимает другую форму, противоположную первой форме, более развитую и усложненную форму. Явления, постепенно усложняясь, принимают новую форму, противоположную первым, исходным формам. Эта идея составляет центральное положение диалектического метода Маркса. Маркс показывает, что в каждой группе явлений, образующих известное единство, в силу внутренних противоречий необходимо происходит дифференциация, поляризация, разделение различных качеств, появление противоположных элементов. Иначе говоря, необходимо появление противоположностей в группе явлений, образующих известное единство. Такова первая сторона закона единства противоположностей.

Из этого положения вытекает и обратное положение: если в каждой группе явлений, образующих известное единство, необходимо появление противоположностей, то, и обратно, мы можем сказать, что группы явлений, обособившихся друг от друга, противоположных друг другу, образуют известное единство, в пределах которого они и являются этими противоположностями. Такова двуединая сторона закона единства противоположностей: появление противоположностей в группе явлений, образующих единство, и сохранение единства в группе явлений, образующих противоположности. Эти две стороны закона Маркс подчеркнул в первом томе «Капитала» (стр. 64—65), где он пишет: «Если процессы, противостоящие друг другу как самостоятельные, образуют известное внутреннее единство, то это как раз и означает, что их внутреннее единство осуществляется в движении внешних противоположностей». Если процессы, как будто бы независимые друг от друга, образуют единство, то с другой стороны, это есть расколотое единство, единство с внутренними противоречиями, которые движутся внутри этого единства и заставляют двигаться весь процесс. Если с этой точки зрения вы вспомните метод Маркса, применяемый им в политической экономии, то вы увидите, что этот метод отображает особенности его диалектического метода вообще.

Мы знаем, что Маркс под всеми вещными категориями увидел производственные отношения людей. На внешний взгляд вся хозяйственная жизнь в капиталистическом обществе представляется в виде движения и изменении свойств вещей. Мы видим движение цен, товаров, курса денег, уровня зарплаты и т. д. Все эти явления овеществлены, они на внешний взгляд представляют собой как бы отдельные явления, друг другу противостоящие, расположенные рядом друг с другом в пространстве общественной жизни (понимая, конечно, пространство в иносказательном смысле). Мы видим, что эти явления действуют друг на друга, но они действуют извне, как чуждые друг другу, как самостоятельные, обособленные, и поэтому мы не всегда можем открыть истинную причину их движения. Например, мы видим, что изменение цен товаров, входящих в средства существования рабочих, изменяет уровень зарплаты. Стоимость продуктов влияет на уровень заработной платы. Но мы видим в капиталистическом хозяйстве и обратное явление,—уровень заработной платы вызывает изменение цен товаров, по крайней мере частичное. Когда мы наблюдаем внешнюю сторону этого ряда овеществленных и рядом расположенных друг с другом явлений, мы можем притти к самым противоположным и ошибочным выводам. Например, наблюдая эту внешнюю сторону явлений, Смит приходит к двум противоположным выводам о взаимоотношении между стоимостью и доходами. Смит говорит, что стоимость продуктов разлагается на доходы, на зарплату, прибыль и ренту, значит стоимость есть нечто первичное, и изменение стоимости обусловливает движение доходов. Но Смит впадает и в противоположный взгляд и говорит, что изменение величины доходов (заработной платы, прибыли и ренты) изменяет величину стоимости продукта. До сих пор этот спор о том, что является первичным—стоимость ли или доход, нужно ли принять за первичное стоимость и ее разложить на доходы, или надо принять за первичное доходы и из них составить стоимость,—до сих пор этот спор в буржуазной политической экономии не разрешен. Маркс вслед за Рикардо стал на точку зрения, что стоимость есть первичное. Но современная буржуазная политическая экономия делает подчас попытки взять за исходный пункт величину доходов.

Я беру этот пример только для того, чтобы показать, что, рассматривая явления с их внешней стороны, мы часто запутываемся при об'яснении их взаимной связи. Мы замечаем, что одно явление действует на другое, но и второе действует на первое, и мы не знаем, откуда исходит движущая причина всей данной системы явлений. Марксу удалось заменить это изучение внешней стороны явлений изучением внутренних законов, скрытых за ними, и ему это удалось именно потому, что он за вещной формой вскрыл движение производственных отношений людей.

Уже в этом перевороте, произведенном Марксом, т.-е. в замене вещественных категорий производственными отношениями людей, сказывается особенность диалектического метода. Диалектический метод требует от нас, чтобы мы заменили исследование застывших вещей, изолированных друг от друга, изучением текучих, динамических, об'единенных друг с другом процессов. Вот первая методологическая директива, которую многократно повторял Энгельс. И метод Маркса в политической экономии действительно выполняет эту директиву и сводит все застывшие формы вещей, расположенные рядом, обособленные друг от друга, как бы неподвижные, к вечно изменчивым, текучим, полным динамики процессам, изменению производственных отношений людей,—процессу, который в свою очередь вызывается изменением материальных производительных сил.

Далее, Маркс показывает нам, каким образом определенные производственные отношения людей, в частности отношения товаропроизводителей в силу внутренних противоречий усложняются и порождают новые формы

отношений людей, противоположные первым, отличающиеся от них. Маркс показывает нам постепенное усложнение производственных отношений людей, генезис новых, качественно иных форм и появление противоположных форм в группе явлений, составлявших раньше единство. Этим самым Маркс раскрывает нам систему производственных отношений, постепенно усложняющихся, принимающих новую форму, противоположную первой и вместе с тем составляющую с ней единство, внутри которого они взаимодействуют. Он опять-таки полностью применяет в политической экономии закон отрицания, т.-е. закон появления новых форм, противоположных первым, и вместе с тем показывает единство всех этих форм, показывает нам единство противоположностей. Маркс, таким образом, осуществляет основное требование диалектического метода, требование закона единства противоположностей, требование, чтобы мы познавали противоположности в явлениях и вместе с тем познавали бы их в их единстве. Я постараюсь в краткой форме показать, как закон единства противоположностей проводится Марксом на протяжении трех томов «Капитала».

3. Раздвоение товара на товар и деньги.

Начнем с вопроса о раздвоении товара на товар и деньги, или учение о разных формах стоимости. Это учение о распадении товара на товар и деньги есть вместе с тем учение о двойственной природе товара. Двойственная природа товара по Марксу является выражением двойственной природы труда как конкретного и абстрактного. Двойственная же природа труда показывает в свою очередь противоречие, скрытое в самой структуре товарного хозяйства, которое, с одной стороны, является совокупностью трудовых деятельностей, дополняющих друг друга и составляющих известное материальное единство, а, с другой стороны, носит стихийный характер и покоится на дроблении средств производства между отдельными лицами, которые производят продукты в качестве товаров и эти товары продают друг другу. Это противоречие структуры товарного хозяйства находит свое проявление в двойственной природе труда. Двойственная природа труда отражается в двойственной природе товара. Двойственная же природа товара находит свое выражение в появлении товара и денег.

Остановимся на учении Маркса о двойственной природе товара. Это один из важнейших и вместе с тем труднейших пунктов теории Маркса. Критики Маркса часто его упрекали, что в своем учении о двойственной природе товара он занимается метафизическими рассуждениями, которые не имеют основы в реальных явлениях хозяйства. Для того, чтобы показать, что Маркс здесь отнюдь не занимался чисто логическим расщеплением понятий, не соответствующих реальным явлениям, я предлагаю вам сперва этот вопрос рассмотреть аналитически, т.-е., начиная не с противоречивой природы труда и товара, а обратно, начиная с более сложных, уже развитых форм, которые имеются на поверхности хозяйственной жизни.

Что мы видим на поверхности хозяйственной жизни? Мы видим товар и деньги, противостоящие друг другу в пространстве общественной жизни, замещающие друг друга и передвигающиеся из одного места на другое. Маркс в «Критике» говорит, что, если вы посмотрите с внешней стороны на явление обмена, то вам покажется, что перед вами целый ряд действий, друг с другом не связанных. Вы видите, как данный рубль сегодня покупает предмет А и, следовательно, меняется местами с предметом А. После этого тот же самый рубль передвигается дальше и заступает место товара В, затем С и т. д. Здесь, говорит Маркс, «исчезла определенность форм процесса» (Kritik, стр. 83). Мы не знаем социального процесса, он

скрыт за этим передвижением денег и товаров. Но, говорит Маркс, давайте посмотрим на этот процесс иначе, а именно, вспомним, что товар и деньги, которые на первый взгляд как будто противопоставлены друг другу в пространстве, на самом деле представляют собой две последовательных фазы движения одного и того же товара. Вместо того, чтобы сказать, что холст противопоставлен определенной сумме денег, вместо рассмотрения этих вещей, меняющихся местами, обратим внимание на ту перемену социальных форм, которая здесь происходит. Тогда мы увидим, что, в сущности говоря, переход холста на место денег, превращение его в известную сумму денег представляет собой не что иное, как движение самого холста, а в результате этого и стоимости холста через две противоположные фазы. Превращение товара в деньги есть не что иное, как движение товара через две противоположные фазы.

Таким образом, вы здесь видите первый прием Маркса, заключающийся в следующем: две вещи, противостоящие друг другу в пространстве, рассматриваются им, как выражение двух фаз одного и того же процесса, как прохождение одного и того же товара через две фазы. В результате этого и стоимость непременно должна пройти через эти две фазы, являясь сначала стоимостью, прикрепленною к ограниченной потребительной стоимости, и принимая затем другую форму стоимости, денежную форму.

После того, как Маркс свел товар и деньги к двум последовательным фазам движения одного и того же товара, возникает вопрос—почему же товар должен непременно пройти через две фазы: через фазу товарную и через фазу денежную? Маркс отвечает: это происходит потому, что товар обладает двумя противоположными свойствами, которые должны найти свое обнаружение в движении и поэтому не могут обнаружиться иначе, как прохождением этого товара через две противоположные фазы процесса. Иначе говоря, именно потому, что Маркс в замене товара деньгами увидел две фазы движения одного и того же товара, он пришел к мысли, что самый товар должен непременно отличаться внутренним противоречием. Эту двойственную, противоречивую природу товара Маркс, в свою очередь, свел к двойственной, противоречивой природе труда, создающего товар. Приведу одну характерную фразу Маркса из первого издания первого тома «Капитала», которая вводит нас в самую суть учения о двойственной природе труда: «Так как частный труд не есть непосредственно общественный труд, то, во-первых, общественная форма есть отличная от натуральной формы реального полезного труда, чуждая ему и абстрактная форма, и, во-вторых, все виды частного труда приобретают свой общественный характер лишь в форме противоположности (gegensätzlich), так как все они приравниваются к одному выделенному виду частного труда» (Kapital, I, 1867, стр. 33). Что Маркс говорит в этой фразе о двойственной природе труда? Он говорит: так как труд в своей натуральной форме не является непосредственно общественным трудом, то общественная форма этого труда есть чуждая ему, абстрактная форма, противоположная натуральной форме данного труда. Появляется противоположность двух форм труда: натуральной формы труда и общественной формы труда. Общественный характер труда отделен, отчужден от самого этого труда и ему противопоставлен как абстрактная форма труда. Иначе говоря, труд каждого товаропроизводителя для того, чтобы обнаружить свой общественный характер, должен непременно принять эту форму абстрактной всеобщности, или труд товаропроизводителя должен обладать двойственной формой для того, чтобы проявить свою общественную природу. Он должен обладать натуральной формой и вместе с тем он должен быть приравнен к труду абстрактному, отчужденному, от него. Это значит, что труд каждого товаропроизводителя должен проходить через две противоположные фазы движения. Он должен из той на-

туральной формы, в которой он сейчас находится, перейти в абстрактную форму, в форму, которая противостоит этой натуральной форме труда. Это не значит, что в первой фазе движения труд является только натуральным. Уже один тот факт, что этот труд должен непременно перейти в следующую фазу, накладывает на него с самого начала двойственный характер. Поэтому труд в каждой из фаз движения носит двойственный характер: в первой фазе труд является непосредственно натуральным трудом, а идеально или потенциально он является трудом противоположного типа, трудом абстрактным. Только во второй фазе окончательно обнаруживается и реализуется этот общественный характер труда.

То же самое движение через две фазы для полного обнаружения своей общественной природы должен проделать и товар, который является продуктом этого самого труда. Тут мы подходим к основному учению о противоречивой природе товара, о том, что товар заключает в себе противоречие, которое должно быть разрешено в движении, в прохождении товара через две противоположных фазы. В чем заключается это противоречие? Оно заключается в том же, в чем заключалось противоречие труда, и Маркс об этом в «Критике» очень подробно говорит. С одной стороны, товар есть стоимостное свойство, будучи прикреплено к ограниченной потребительной стоимости другими товарами, свойство, которое делает возможным для его владельца обмен его на любой другой товар. Он имеет признанную общественную природу. С другой стороны, этот же товар представляет собою потребительную стоимость, натуральный продукт, к которому прикреплена стоимость, как известное общественное свойство. Пока это свойство прикреплено к данному товару в натуре, пока стоимость прикреплена к холсту, этот холст представляет собою, как Маркс говорит,—продукт индивидуального труда, его общественный характер еще не признан обществом, еще не удостоверен. Как Маркс в одном месте говорит: «товары, с одной стороны, должны вступить в процесс обмена как овеществленного всеобщее рабочее время; с другой стороны, само овеществление рабочего времени индивидов как всеобщего есть лишь продукт процесса обмена» (Kritik, стр. 24—25). С одной стороны, труд, создающий товар, должен быть уже общественным трудом до процесса обмена, с другой стороны, только через процесс обмена его общественный характер обнаруживается. А это значит, что товар для того, чтобы обнаружить свою общественную природу, должен непременно перейти из той формы, в которой его общественная природа еще скована, благодаря той ограниченной потребительной стоимости, к которой она прикреплена, в форму непосредственно общественного продукта, т.-е. в форму такого продукта, который может быть обменен на любой другой продукт, который представляет собою непосредственное воплощение общественного труда и дает его владельцу возможность приобрести такое же количество общественного труда в форме любого другого продукта. Итак, сейчас мы с вами находимся на следующей стадии наших рассуждений. Мы говорим, что существуют товары. Каждый товар есть единство стоимости и потребительной стоимости. В каждом товаре имеется то противоречие, что, с одной стороны, он имеет общественную природу стоимости, но, с другой стороны, это его общественное свойство, будучи прикреплено к ограниченной потребительской стоимости, еще не получило возможности непосредственного обнаружения и не дает еще владельцу данного товара возможности получить в свое распоряжение известное количество общественного труда в форме любого продукта в натуре.

После этого учения о двойственной природе товара или учения о стоимости вообще, Маркс переходит к учению о простой форме стоимости или к учению о м е н о в о й стоимости. В чем сущность этого учения о меновой стоимости? Она заключается в следующем. Если мы возьмем группу товаров,

которые по своей природе все друг на друга похожи,—ибо каждый из них представляет собою единство стоимости и потребительной стоимости,—если мы возьмем эту группу товаров, однородных по своей общественной природе, но внутренне противоречивых, то как только эти товары вступают в отношения обмена друг с другом, необходимо должна появиться дифференциация функций между ними, необходимо должно появиться различие природы этих товаров. Тут мы подходим к учению Маркса о простой форме стоимости или к учению о дифференциации, о появлении полярно-противоположных функций обоих товаров и необходимости в результате этого появления двух форм стоимости—относительной формы стоимости и эквивалентной формы стоимости. Иначе говоря, речь идет о распадении всего мира товаров на две группы, на группу простых товаров и на всеобщий эквивалент—деньги. В этом учении мы имеем крайне яркий пример применения закона единства противоположностей, согласно которому группа предметов однородной природы, в силу внутренне присущего ей противоречия, раскалывается на две противоположные части. Социальная форма товара, которая раньше была однородна, но вместе с тем внутренне противоречива, раскалывается на две противоположных формы, на формы простого товара и денег. В «Критике политэкономии» Маркс нам развития этого процесса еще не показал. В «Критике политэкономии» Маркс показывает нам двойственную природу труда; этой двойственной природе труда соответствует двойственная природа товара, которая находит свое выражение в раздвоении товара на товар и деньги. Это разделение товара на товар и деньги является в «Критике», так сказать, коррелятом к двойственной природе товара и двойственной природе труда, создающего товар. Но Маркс не показывает нам, каким образом товар как единство потребительной стоимости и стоимости раскалывается на эти две противоположные формы. Эта работа проделана им только в «Капитале», в его учении о формах стоимости, одной из важнейших частей учения Маркса.

Каким образом Маркс показывает нам, что два товара, вступающие между собою в обмен, должны непременно выполнять в этом обмене различные функции? Можно сказать, что учение о простой форме стоимости есть учение о появлении первичной дифференциации в отношениях товаропроизводителей, о появлении первичной противоположности в группе товаров, которые до сих пор обладали совершенно одинаковой общественной природой, хотя и внутренне противоречивой. И именно потому, что здесь перед нами появление первичной дифференциации производственных отношений людей и социальных форм вещей (в пределах товарного хозяйства), именно поэтому простая форма стоимости имеет значение той клеточки, которая, по словам Ленина, в скрытом виде содержит в себе все противоречия капиталистического хозяйства.

Почему непременно должна начаться дифференциация функций между товаром А и товаром В, которые обмениваются друг на друга? Энгельс в статье о «Критике полит. экон.» об'ясняет кратко: раз мы имеем отношение двух товаров, мы имеем две стороны этого отношения. Раз имеем две стороны отношения, то они друг от друга отличаются и друг другу противоположны. Если эти общие указания применить к данному случаю, то мы должны представить себе учение Маркса о простой форме стоимости приблизительно в следующем виде. Два товара А и В вступают между собою в обмен, при этом природа обоих товаров совершенно однородна, но каждый товар внутренне противоречив. В каком смысле каждый товар внутренне противоречив? В том смысле, что, с одной стороны, он обнаруживает свою общественную природу, свою природу стоимости лишь через свое уравнение с другим продуктом. Продукт А обнаруживает свою общественную природу через уравнение с продуктом В. Но одновременно с этим продукт В обнаруживает свою общественную природу только через этот же самый обмен с продук-

том А. В этом акте обмена каждый товар должен выполнить две совершенно противоположных роли. Каждый товар должен обнаружить свою общественную природу через обмен на другой продукт, и вместе с тем должен послужить материалом для обнаружения общественной природы другого продукта. Невозможность выполнения одним товаром этих двух функций в одно и то же время ясна сама собой. Как Маркс говорит, «форма всеобщей непосредственной обмениваемости есть противоречивая (gegensätzliche) товарная форма, так же неразрывно связанная с формою не непосредственной обмениваемости, как положительный полюс магнита с его отрицательным полюсом» (Капитал, т. I, гл. 1, прим. 24). Форма всеобщей непосредственной обмениваемости, форма непосредственно общественная, присущая одному продукту, исключает такую же непосредственную общественную форму всякого другого продукта, вступающего в обмен с первым.

Действительно, предположим, что продукт В находится в непосредственной общественной форме, т.-е. является продуктом признанного общественного труда и может быть обменен на продукт любого другого общественного труда. Но если товар В имеет значение продукта непосредственного общественного труда и поэтому может занять место любого другого продукта (напр., продукта А), то тем самым в этом самом акте другой продукт не может играть такую же роль непосредственного общественного продукта, обладающего формой непосредственной всеобщей обмениваемости. В данном акте обмена оба товара выполняют различные функции: товар А выступает как продукт частного труда, товар В — как продукт непосредственного общественного труда. Но ведь каждый товар по своей природе противоречив, будучи продуктом и частного и общественного труда. Следовательно, оба товара не только выполняют различные функции в данной фазе обмена, но каждый из них должен в другой фазе обмена выполнить функцию, противоположную выполняемой им в данной фазе обмена. А это и значит, что двойственная природа товара не может выразиться иначе, как в том, что каждый товар в процессе обмена должен пройти через две фазы. Первая фаза заключается в том, что товар А посредством обмена на натуральную форму другого товара В обнаруживает свою общественную природу и получает форму непосредственной всеобщей обмениваемости. Он приобретает эту форму только в результате данного акта обмена. Во второй фазе этот товар уже вступает в процесс обмена как товар непосредственно-общественный, освобожденный от своей связи с ограниченной натуральной формой данного продукта. Иначе говоря, ни один товар не может выразить свою общественную природу иначе, как посредством обмена на натуральную форму другого продукта. Таким образом мы получаем, что стоимость продукта А равна потребительной стоимости продукта В в его натуральной форме. Мы имеем здесь дифференциацию функций, ролей двух товаров, которые вступают в обмен. Один товар выражает свою стоимость через натуральную форму другого товара, а другой товар в своем натуральном виде служит выражением стоимости первого товара. Появление этой дифференциации в однообразном до сих пор мире товаров было развито Марксом в его учении о простой форме стоимости.

Было бы очень долго прослеживать все тончайшие диалектические переходы, при помощи которых Маркс показывает нам, каким образом два товара, вполне равные друг другу, начинают в акте обмена играть неравную, неодинаковую, дифференцированную роль. Очень интересно проследить, как Маркс от равенства обоих товаров А и В приходит к мысли о необходимости поляризации функций, необходимости выполнения ими двух противоположных функций. Вначале Маркс употреблял термин—отношение стоимостей двух товаров, т.-е. отношение, в котором оба они выполняют одинаковую роль. Потом Маркс делает шаг дальше и говорит: если вы имеете отношение стоимостей двух товаров А и В, то из этого «отношения стоимостей» (Wert-

verhältniss) двух товаров можно получить и выражение стоимости» (Wertausdruck) для одного из этих товаров. Можно выразить стоимость товара А в товаре В. Как Маркс говорит, в отношении стоимости двух товаров заключается выражение стоимости одного из этих товаров в другом товаре, или в «Wertverhältniss» заключается «Wertausdruck». Если вы почитаете первую главу «Капитала» Маркса, то увидите, что Маркс делает различие между «отношением стоимостей» двух товаров и «выражением стоимости» одного товара в другом товаре.

В чем заключается это различие? Когда вы говорите об «отношении стоимости» А к стоимости В, то ваша мысль такова: стоимость товара А равна стоимости товара В, т.-е. у вас на обеих сторонах уравнения фигурирует стоимость. Вы узнали равенство обеих стоимостей, но вы не узнали стоимости ни одного из этих продуктов. Вы только узнали, что стоимость А равна стоимости В, но равна ли эта стоимость 1, 10 или 100, вы не узнали. Если вы хотите узнать стоимость хотя бы одного из этих товаров, у вас не остается другого выхода, как, приняв стоимость одного товара за данную, выразить стоимость другого в потребительной стоимости первого. Стоимость товара А равна продукту В в его натуральной форме. Теперь у вас на левой стороне уравнения будет фигурировать стоимость, а на правой—предмет в натуральной форме, предмет, который, как такой, с его собственной кожей, как говорил Маркс, принимается вами за воплощение стоимости. Сравним два выражения: 1) стоимость А равна стоимости В; 2) стоимость А равна *В*. На первый взгляд эти два выражения как будто не отличаются друг от друга, а между тем между ними имеется коренная разница. В первой формуле вы имеете на обеих сторонах уравнения стоимости, но стоимость не выраженную, а во второй формуле стоимость одного продукта выражается в потребительной стоимости другого. Оба товара играют совершенно различную роль. Это различие роли заключается в том, что товар А имеет стоимость лишь постольку, поскольку он приравнен к товару В, т.-е. товар А представляет собой стоимость не непосредственно, а косвенно, через посредство товара В, т.-е. непосредственно он выступает лишь как потребительная стоимость. Товар В в своем натуральном виде выступает непосредственно как воплощение стоимости. Таким образом, «скрытое в товаре внутреннее противоречие (Gegensatz) между потребительной стоимостью и стоимостью выражается при помощи внешнего противоречия, т.-е. при помощи отношения двух товаров (Капитал, т. I, стр. 23).

В приведенной формуле мы видим уже первичную, хотя еще и слабую дифференциацию обоих товаров, зарождение двух различных и противоположных форм стоимости. Товар А обладает формой стоимости, отличной от его собственной натуральной формы, а товар В обладает стоимостью в своей собственной натуральной форме. Обобщая, можно сказать, что мы получили две формы стоимости: одну форму стоимости, отличную от натуральной формы продукта, и другую форму стоимости, непосредственно сросшуюся с натуральной формой продукта. Мы получили две формы стоимости, противоположные друг другу: относительную и эквивалентную.

Пока мы берем только два данных товара А и В, эти товары обладают своими формами стоимости (относительной и эквивалентной) только внутри данного отношения их друг к другу. Только когда мы соотносим товар А к товару В, первый приобретает относительную, а второй—эквивалентную форму стоимости. При этом активная роль принадлежит товару А; именно он выражает свою стоимость в товаре В. Только потому, что производитель товара А соотносит свой продукт к товару В, последний в пределах данного отношения между обоими товаропроизводителями выполняет особую функцию эквивалента. В данном отношении двух товаров (например, 20 аршин холста = 1 сюртуку) стоимость сосредоточилась, поляризовалась на одной

стороне, в сюртуке; но ведь речь идет именно о стоимости самого холста, получившей выражение в натуральной форме сюртука. «Здесь обнаруживается или получает самостоятельное (selbständigen) выражение бытие стоимости самого холста» (Капитал, т. I, стр. 13).

Мы должны обратить внимание на следующую терминологию Маркса. Маркс говорит, что стоимость холста, благодаря тому, что она выражена в сюртуке, «получает самостоятельное выражение» (Капитал, т. I, стр. 22). В первом издании «Капитала» (1867 г., стр. 768) Маркс писал, что «товар получает отличную от его натуральной формы, независимую и самостоятельную форму стоимости». «Меновая стоимость есть самостоятельная форма проявления стоимости товара» (там же, стр. 775). Стоимость холста получила самостоятельную форму вне его находящегося предмета, форму другого натурального предмета, ему противостоящего. Стоимость приобрела «отчужденную», самостоятельную форму в виде меновой стоимости. Произошел процесс «отчуждения», обособления. Стоимость холста как бы отделилась от самого холста, или, как часто выражается Маркс, внутренняя противоположность, скрытая в самом товаре, приняла форму внешней противоположности.

Когда речь идет об обмене двух товаров, то происходит поляризация функций, эти товары играют различную роль, но это различие есть, как Маркс говорит в первом издании «Капитала» (стр. 29), нечто только «мимолетное» или «формальное». Это есть только формальное различие функций А и В, которое имеется только в пределах данного их отношения друг к другу. Если вы возьмете В вне отношения к А, то он не будет играть роли эквивалента. Словом, выделение денег из среды всех товаров еще не произошло, эквивалент В такой же товар, как и все остальные. Данное уравнение вы можете перевернуть, и тогда В не будет уже играть роли эквивалента относительно А. Таким образом, данное отношение между этими двумя товарами носит мимолетный, преходящий характер. Различие их функций еще не закрепилось. Поэтому в данной, простой форме стоимости «еще довольно трудно уловить полярную противоположность» функций обоих товаров (Капитал, т. I, стр. 28). Правда, эта простая форма стоимости уже содержит в себе «эту противоположность, но не фиксирует ее» (там же), т.-е. не закрепляет определенную функцию за тем или иным товаром. Развитие происходит еще, как выражается Маркс в 1-м издании «Капитала» (стр. 23), «равномерно» для обоих товаров А и В, находящихся в обеих частях уравнения. Эта «равномерность» развития обеих частей уравнения исчезает уже в развернутой форме стоимости благодаря тому, что продукт А обнаруживает свою общественную природу лишь через уравнение его с целым рядом других продуктов, играющих роль эквивалентов. Различие и противоположность между обоими полюсами выражения стоимости приобретает здесь уже более глубокий характер. Наконец, когда по мере расширения общественного разделения труда и развития обмена все товары начинают сравниваться с одним товаром,—золотом,—и функция всеобщего эквивалента срощивается с натуральной формой последнего, противоположность обоих полюсов выражения стоимости еще дальше «развивается и затвердевает» (Капитал, 1867 г., стр. 781). Если уже в простой форме стоимости, где товар В выполняет функцию эквивалента лишь внутри данного отношения его к другому товару, возникает иллюзия, будто он «обладает своей эквивалентной формой независимо от этого отношения» (Капитал, т. I, стр. 48), то в денежной форме эта иллюзия «укрепляется» и, наконец, «окостеневает» (verknöchert). (См. Kapital, 1867 г., стр. 33). «Форма всеобщего эквивалента срастается с натуральной формой определенного товарного вида, или откристаллизовывается в денежную форму» (Капитал, т. I, стр. 48). Этот процесс окостенения или кристаллизации социальных форм прослеживается Марксом на протяжении

всех трех томов «Капитала». В данном случае этот термин означает следующее: если раньше товар В приобретал свойство эквивалента только внутри данного отношения его к товару А, если раньше вещь приобретала общественное свойство лишь при наличии данного отношения двух товаропроизводителей, то в денежной форме всеобщий эквивалент обладает свойством быть непосредственно воплощением стоимости и абстрактного труда, независимо от конкретного отношения, в которое он вступает с данным другим товаром. Золото является всеобщим эквивалентом не только в тот момент, когда к нему приравнивается холст, но и вне этого акта. Эта общественная функция закрепляется за ним, как за вещью и определенными натуральными свойствами.

Если раньше товар В приобретал свойство эквивалента, потому что на него обменивался товар А, то в применении к золоту дело имеет другой вид. Каждый товар должен быть непременно обменен на золото, потому что золото обладает свойством всеобщего эквивалента. «Без всякого своего содействия товары находят воплощение своей стоимости, как нечто г о т о в о е, как существующее в н е и х и н а р я д у с ними особое товарное тело» (Капитал, т. I, стр. 48). Внутреннее противоречие товара, делающее необходимым движение его через две последовательные и противоположные фазы процесса обмена, приняло форму внешней противоположности товара и денег, расположенных, так сказать, рядом в пространстве. Каждый товар уже находит вполне готовую и обособившуюся от него форму денег. По словам Маркса, товар находит готовую форму денег, застывшую, кристаллизованную форму денег, он находит об'ективную прочность всеобщего эквивалента, об'ективно застывшую его форму. Если раньше мы видели, что все товары сами своими действиями создают общественное свойство того товара, который выделился в качестве всеобщего эквивалента, то после того, как это выделение совершилось, нам кажется, что деньги приводят в движение товары. В то время как на самом деле «денежная форма есть лишь застывший на данном товаре отблеск (рефлекс) отношений к нему всех остальных товаров» (Капитал, т. I, стр. 46), нам кажется, что товары сами по себе пассивны и их приводит в движение этот самый выделенный товар—деньги. Маркс при этом случае употребляет формулу, к которой он часто потом прибегает. Он говорит, что в сущности золото стало деньгами только благодаря движению всех товаров, которые обменивались на него, но это «п о с р е д с т в у ю щ е е д в и ж е н и е и с ч е з а е т в своем собственном результате и не оставляет следа» (Капитал, т. I, стр. 48). Весь сложный общественный процесс выделения денег из товарного мира остался за спиною товаропроизводителей, он исчез в своем результате, и золото само по себе в натуральной форме является деньгами. Мы не видим всего того общественного процесса, который создал этот результат, и требуется громадная сила анализа для того, чтобы восстановить весь процесс выделения сложной формы из однородной среды, процесс появления противоположных форм там, где были раньше однородные, т.-е. процесс, подчиненный действию закона отрицания и закона единства противоположностей.

В учении о формах стоимости Маркс нарисовал процесс постепенного усиления противоположности между обоими полюсами выражения стоимости, закончившийся раздвоением товара на простой товар и деньги. Но, в согласии с законом единства противоположностей, Маркс показывает нам не только необходимость появления противоположностей в однородной ранее среде, но и необходимость сохранения единства между обособившимися друг от друга явлениями. Параллельно с тем, как усиливается п р о т и в о п о л о ж н о с т ь между обоими участвующими в обмене товарами, усиливается также,—именно в силу того, что каждый из них приобретает все более односторонний характер, требующий дополнения в виде другого товара, отличающегося противоположными свойствами,—связывающее их е д и н с т в о. В про-

стой форме стоимости различие между продуктами А и В носило «мимолетный» и «формальный» характер. И вместе с тем мимолетным и случайным было связывающее их единство: продукт А с таким же успехом мог быть обменен на какой-нибудь другой продукт С, Д, Е и т. д., как и на данный продукт В. В денежной же форме стоимости, когда продукт В (золото) окончательно стал всеобщим эквивалентом, продукт А должен быть непременно обменен на В, он уже заранее, еще до акта обмена, соотнесен к В и имеет денежную форму. На ряду с усилением противоположности между А и В, усиливается и связывающее их единство. В чем оно заключается? Оно заключается, во-первых, в единстве их генезиса, их исторического происхождения из группы однородных товаров, которая потом расщепилась на две группы. Это единство проявляется, во-вторых, в том, что каждый товар должен пройти непременно через две стадии, через две фазы (простого товара и денег), и только пройдя обе эти фазы, обнаруживает свою общественную природу. В-третьих, это единство проявляется в том, что относительная форма стоимости немыслима без эквивалентной, ибо самое понятие относительной формы предполагает отношение к другому товару, являющемуся материалом для выражения стоимости данного товара, и обратно, эквивалентная форма невозможна без относительной, словом, взаимообусловленность этих противоположных форм. Наконец, мы имеем не только взаимообусловленность, но и взаимопроникновение этих форм, ибо с того момента, когда совершилось распадение товарного мира на простой товар и на деньги, каждый товар непременно должен пройти две фазы и превратиться в деньги, поэтому каждый товар, еще не будучи реально превращен в деньги, имеет уже потенциальную или идеальную форму денег, которые выполняют роль меры стоимости. Товар заключает в себе потенциально форму денег, а деньги суть «метаморфозированный товар», т.-е. носят печать предшествующего обмена данного товара на данную сумму денег. Итак, мы имеем генетическое единство происхождения этих двух противоположных форм, внутреннюю связь их как двух последовательных фаз движения одного и того же товара, взаимообусловленность их, так как ни одну из этих форм невозможно мыслить без другой формы, и, наконец, их взаимопроникновение, так как каждая из них является не только одной формой, но потенциально является и другой формой. Таким образом, в учении о раздвоении товара на простой товар и на деньги, в этом учении об усилении их противоположностей и вместе с тем их дополняющего друг друга характера, т.-е., их единства, мы имеем яркую иллюстрацию закона единства противоположностей.

Изложенное учение Маркса о генезисе денег должно, во-первых, объяснить исторический процесс возникновения денег из товара (точнее, из продуктов, находившихся в процессе своего превращения в товары) и, во-вторых, вскрыть законы одновременного и взаимообусловленного движения товаров и денег в развитом капиталистическом хозяйстве. В соответствии с этим и закон единства противоположностей должен в данном случае, во-первых, показать нам единство исторического корня и процесс постепенного обособления двух противоположных форм товара и, во-вторых, вскрыть единство и различие движения товаров и денег в капиталистическом хозяйстве. Критики Маркса утверждали, что в своем учении о противоречивой природе товара и раздвоении его на простой товар и деньги Маркс прибегал к «саморазвитию понятий» Это неверно. Изложенное учение Маркса отражает реальный общественный процесс, который, с одной стороны, имел место в определенный исторический период (различный для разных народов) и, с другой стороны, оставил в капиталистическом хозяйстве результат в виде двух противоположных и взаимодействующих сфер: товарного обращения и денежного обращения. Выделение денег было результатом участившегося и многократно повторявшегося движения товаров в обмене; это движение товаров отражало определенный характер производственных отношений ме-

жду членами общества как товаропроизводителями; наконец, распространение данного типа производственных отношений вызывалось потребностями материального процесса производства. Эту связь явлений мы можем представить себе приблизительно в следующем виде.

Развитие общественного разделения труда как внутри одной общины, так и между чуждыми общинами усилило потребность в общественном «обмене веществ», в получении продуктов чужого труда. Возникая на основе уже существующего различия сфер производства, обмен закрепляет и развивает дальше это различие. Внутри общины отдельные части и сферы производства, носившие ранее непосредственно общественный характер, «самостоятельно обособляются (verselbständigen sich) настолько, что связь между разными видами труда опосредствуется через обмен продуктов, как товаров» (Kapital, т. I, 1922 г., стр. 317). Происходит «самостоятельное обособление» Verselbständigung) труда разных видов и индивидов (там же). Внутри общины, — отчасти под влиянием обмена с чужими (fremde) общинами, — возникает «отношение взаимной чуждости» (Fremdheit) между отдельными ее членами (Там же, стр. 54), которые превращаются в товаропроизводителей. Труд отдельных лиц становится «независимым», а, вместе с тем, усиливается материальная связанность труда разных видов и индивидов. Это основное противоречие товарного хозяйства все более углубляется по мере того, как, с одной стороны, развивается общественное разделение труда, а, с другой стороны, благодаря неорганизованности и стихийности хозяйства, действия и производственные отношения товаропроизводителей все более дифференцируются, «обособляются», «отчуждаются» и параллельно с этим «овеществляются», «сращиваются» с вещами. Дифференциация действий и отношений товаропроизводителей; «овеществление» (Versachlichung) производственных отношений, «сращение» их с вещами и «окостенение» (Verknöcherung) их в виде социальных форм вещей; постепенное «обособление» (Verselbständigung) и «отчуждение» (Entfremdung) производственных отношений и соответствующих им социальных форм вещей; генезис из простых форм более сложных, противоположных первым и вместе с тем составляющих с ними единство, — все это лишь различные стороны грандиозного процесса развития и усложнения общества товаропроизводителей. Этот процесс представляет собою одновременное осуществление: социологического закона общественного разделения труда и дифференциации функций отдельных членов и групп общества; экономического закона овеществления производственных отношений и сращения их с вещами; общедиалектического закона единства противоположностей. Рассмотрим вкратце с этих трех сторон описанный нами процесс раздвоения товара на простой товар и деньги.

Маркс указывает, что раздвоение товара является отражением раздвоения функций товаропроизводителя. «Товаровладельцы вступили в процесс обмена просто как хранители товаров. Внутри этого процесса они противостоят друг другу в противоречивой (gegensätzliche) форме покупателя и продавца, один—как персонифицированная голова сахара, другой —как персонифицированное золото. Когда голова сахара становится золотом, продавец становится покупателем. Эти определенные соцальные характеры возникают не из человеческой индивидуальности вообще, а из меновых отношений людей, производящих свои продукты в определенной форме товара» (Kritik», стр. 83—84). В этой фразе Маркс прекрасно передает связь между дифференциацией действий и социальных характеров людей, персонификацией вещей и прогрессирующей противоположностью (и единством) действий людей и социальных форм вещей.

Процесс раздвоения товара означает не только первичную дифференциацию функций товаропроизводителей, но и первичное овеществление производственных отношений в вещах. Учение о генезисе денег есть учение

о «сращении» производственного отношения людей с натуральною формою вещи. В этом учении Маркс показал нам, каким образом социальные функции, которые вначале приобретаются вещами только внутри данных, определенных производственных отношений людей, закрепляются за вещью, помимо данных производственных отношений. Маркс много раз подчеркивал особенность эквивалента, заключающуюся в том, что, хотя он первично получает свою социальную форму только внутри данных отношений между товарами А и В, нам кажется, что эта социальная форма принадлежит ему по природе. А тогда, когда эта социальная форма в силу развития обмена и действий всех товаропроизводителей сращивается с золотом, мы получаем непосредственно общественную форму, присущую данному продукту в натуре, независимо от тех производственных отношений, в которых он в данный момент фигурирует. Мы получаем социальную форму застывшую, окостеневшую, сращенную с вещью, кристаллизованную.

Итак, с одной стороны, вы имеете здесь яркую иллюстрацию учения Маркса об овеществлении производственных отношений, о сращении их с натуральной формой вещей, о приобретении вещью социальных функций, которыми она обладает, независимо от тех конкретных производственных отношений, в которых она в данный момент фигурирует. И, с другой стороны, в этом же учении о формах стоимости мы имеем яркий пример постепенного усиления противоположности между товарами и деньгами, выражающей две стороны природы товара, постепенное усиление этой противоположности, которая вначале являлась только временною и преходящею. Учение Маркса о распадении товара на две противоположные формы представляет собою яркую иллюстрацию диалектического закона отрицания и закона единства противоположностей.

В процессе раздвоения товара дифференциация функций людей, овеществление производственных отношений и развитие противоположностей внутри единства носят еще первичный характер. Действительно, «противоположность (gegensatz) между покупателем и продавцом» носит еще «поверхностный и формальный» характер («Kritik», стр. 84—85), так как лицо, выступающее в данный момент в роли продавца, через некоторое время выступит в роли покупателя. Правда, различию между товаром и деньгами соответствуют различные экономические функции товаропроизводителя. «Два противоположные превращения товара (Т—Д и Д—Т) осуществляются в двух противоположных актах товаровладельца и отражаются в двух противоположных экономических функциях этого последнего» (Капитал, т. I, стр. 62). Но товаровладелец постоянно «меняет роль продавца на роль покупателя. Следовательно, купля и продажа представляют не прочно фиксированные функции, но функции, постоянно меняющие в процессе товарного обращения тех индивидуумов, которыми они выполняются» (Там же, стр. 63). Различные экономические функции еще не «кристаллизованы», не закреплены постоянно за определенными лицами.

Подобно тому, как дифференциация функций между покупателем и продавцом носит еще первичный и неразвитый характер, точно так же и процесс овеществления производственных отношений людей в товаре и деньгах носит еще первичный характер по сравнению с более сложными формами (капиталом, процентом и т. п.).

Наконец, и развитие противоположностей в единстве носит еще в процессе раздвоения товара первичный характер. Но так как «противоречие (Gegensatz) товара и денег есть абстрактная и всеобщая форма всех противоречий, содержащихся в буржуазном труде» («Kritik», стр. 85—86), то с дальнейшим развитием и усложнением этого противоречия нам еще неоднократно придется встречаться ниже.

(Окончание следует).

Диалектическое развитие категорий в экономической системе Маркса

(Продолжение [1]).

И. Рубин.

4. Функции денег.

Образование стоимости Маркс рассматривает, как процесс, в котором производственные отношения людей как товаропроизводителей находят свое выражение в форме стоимости, — свойства, присущего как будто самому продукту труда. Образование денег Маркс рассматривает как процесс, в котором взаимное отношение товаров как стоимостей друг к другу выражается в форме отношения их к одному выделенному товару, играющему роль всеобщего эквивалента или денег. Неразрывную связь обоих этих процессов Маркс выразил в следующих словах: «То обстоятельство, что товаровладельцы взаимно относятся к своему труду, как к всеобщему общественному труду, представляется таким образом, что они относятся к своим товарам, как к меновым стоимостям; взаимное отношение товаров друг к другу как к меновым стоимостям в меновом процессе представляется, как их всестороннее отношение к одному особенному товару, как к адэкватному выражению их меновой стоимости; а это, обратно, в свою очередь проявляется, как специфическое отношение этого особенного товара ко всем другим товарам и, следовательно, как определенный общественный характер вещи, присущий ей как будто от природы» (Kritik, стр. 28).

В этих словах Маркса ясно показан процесс постепенной фетишизации или овеществления производственных отношений людей. Производственные отношения людей принимают форму социальных свойств вещей. По мере усложнения производственных отношений людей усложняются и социальные формы вещей. Процесс фетишизации общественных отношений людей носит, таким образом, многоступенный характер. В рассматриваемом нами случае движение производственных отношений людей принимает форму движения товаров, а движение товаров отражается в движении цен. Стоимость, будучи выражением производственных отношений людей, в свою очередь представляет собою основу, на которой вырастают деньги,—эта более сложная и фетишизированная социальная форма вещей.

Задача диалектического исследования и заключается в том, чтобы показать необходимое возникновение более сложных социальных форм вещей из более простых. Исследователь должен воссоздать картину развития производственных отношений людей и соответствующих им социальных

[1]) См. «Под Знаменем Марксизма» 1929 г., № 4. Дальнейшие части значительно расширены и дополнены по сравнению с устным докладом.

свойств вещей от более простых форм к более сложным. Именно такой синтетический путь исследования от производственных отношений людей к товару, а от товара к деньгам и намечает Маркс в цитированной выше фразе.

Само собою понятно, что синтетический путь исследования от более простых форм к более сложным не исключает аналитического пути, а предполагает его. Каждое исследование начинается с анализа сложной формы, с целью вскрыть те более простые формы, из которых она развилась. При помощи анализа мы под движением денег вскрываем движение товаров, а последнее рассматриваем, как выражение производственных отношений людей,— определяемых в свою чередь потребностями материально-технического процесса производства или «обмена веществ». «На деле различные определенности формы, которые деньги получают в процессе обращения, суть лишь кристаллизованная перемена форм самих товаров, которая в свою очередь является лишь вещным выражением изменяющихся общественных отношений, в которых товаровладельцы совершают свой обмен веществ» (Kritik, стр. 138. Курсив наш). Здесь Марксом намечен аналитический путь исследования от более сложных форм к простым: от денег к товару, а от товара к производственным отношениям людей.

На обоих путях исследования, аналитическом и синтетическом, деньги выступают перед нами, как вещное выражение производственных отношений людей. Однако свести деньги непосредственно к производственным отношениям людей (или вывести их непосредственно из последних) мы не можем. Деньги являются продуктом очень сложного процесса овеществления производственных отношений людей, — процесса, который должен быть рассмотрен нами во всех его промежуточных звеньях. Промежуточным звеном между производственными отношениями людей и категорией денег является категория товара или стоимости. Поэтому наше исследование естественно распадается на две ступени. На первой ступени, в теории стоимости, мы изучаем процесс овеществления производственных отношений людей в стоимости товаров. На второй ступени, в теории денег, мы должны показать, каким образом движение товаров выражается в движении денег. Связь между товаром и деньгами составляет главную тему марксовой теории денег. При этом, верный своему основному методологическому принципу, Маркс указывает, что наша главная задача заключается в исследовании генезиса сложной формы из более простой. «Трудность состоит не в том, чтобы понять, что деньги — товар, а в том, чтобы выяснить, как и почему товар становится деньгами» (Капитал, I, 1928, стр. 48).

Учение о генезисе денег из товара было уже изложено выше. Мы предполагаем, что раздвоение товара на простой товар и деньги уже совершилось, и друг другу противостоят две отдельных, хотя и тесно связанных сферы: товарного обращения и денежного обращения. Теперь нам предстоит рассмотреть движение денег, поскольку оно, с одной стороны, носит специфический характер, отличный от движения товаров, а, с другой стороны, отражает движение последних. Мы должны показать, каким образом различные формы движения товаров находят свое выражение в различных формах, приобретаемых деньгами. Именно эта связь формы движения товаров и формы денег постоянно подчеркивается Марксом. «Движущиеся отношения товаров друг к другу кристаллизуются, как различные определения всеобщего эквивалента, и таким образом процесс обмена есть одновременно процесс обращения денег» (Kritik, 32). «От определенного способа, каким товары представляют друг для друга свою собственную меновую стоимость, зависит каждый раз та определенность формы, в которой золото кристаллизуется как деньги» (там же, 52). «Перемена форм самих товаров одновре-

менно кристаллизуется в определенных формах денег» (Там же, 74). С
там же, стр. 138—139, 202).

В применении к данному процессу Маркс часто употребляет выраж
ние «кристаллизоваться». Критики Маркса думали, что, когда Маркс г
ворит о «кристаллизации» труда в стоимости товара, он имеет в виду мат
риально-технический процесс «оседания» или «застывания» труда в пр
дукте. Как видим, на деле термин «кристаллизоваться» употребляется Ма
ксом в другом смысле. Этим термином Маркс характеризует социальны
а не технические процессы. Когда Маркс говорит, что «перемена форм т
варов кристаллизуется в определенных формах денег», он имеет в виду пр
цесс постепенного усложнения и «застывания» социальных форм вещей,-
процесс, в котором развитие более простых форм приводит к образовани
более сложных форм. Это образование из простой формы более сложно
отличающейся по своему характеру от первой, Маркс и называет процесс
«кристаллизации», т.-е. процессом выделения сложных форм. Так ка
основная задача диалектического исследования заключается в об'яснении н
обходимости образования все более и более сложных форм явлений, т
легко понять, почему Маркс так часто говорит о процессе «кристаллизации

При изучении генезиса сложных форм явлений из простых задача иссл
дователя двойная. С одной стороны, исследователь должен показать, к
ким образом развитие самой простой формы приводит к образованию сло
ной формы. Здесь исследователь должен подчеркивать неразрывную связ
обеих форм, то общее, что есть между ними и что делает более сложну
форму дальнейшим развитием или выражением более простой формы. Но,
другой стороны, исследователь должен также показать, что сложная форм
выросшая из простой, вместе с тем по своему характеру от нее отличаетс
т.-е. представляет собою не только дальнейшее развитие, но и отрица
ние свойств, характеризовавших первую форму. Он должен показать, чт
сложная форма хотя и выросла из простой, но вместе с тем ей противоп
ложна.

Применяя этот общий принцип к теории денег, мы и здесь стави
перед исследователем двойную задачу. Он должен не только показать, чт
деньги имеют свою основу в товаре, но должен также показать, что деньг
в процессе своего развития обособились от товара и противостоят ему
тем самым товар вообще превратился уже в простой товар, т.-е. противо
поставленный деньгам). Если в цитированных выше фразах Маркс пока
зывал внутреннюю связь товара и денег, то в других местах он подчеркивае
что они противопоставлены друг к другу. Деньги суть особенный, специфи
ческий товар, «выделенный» из среды других товаров, часто говорит Марк
Золото и серебро «противостоят другим товарам, как воплощение всеоб
щего труда» (Kritik, стр. 72). «Золото и серебро, как непосредственное во
площение общественного труда, противостоят другим простым товарам
(там же, стр. 164). Деньги, следовательно, не только развились из товара, н
вместе с тем противоположны товару, «отчуждены» от него. Процесс обра
зования денег из товара есть вместе с тем процесс постепенного «отчужде
ния» денег от мира товаров, процесс постепенной поляризации характер
товаров и характера денег. Различные формы денег выражают различны
ступени этого постепенно усиливающегося «отчуждения» денег от товаро
Это положение мы докажем на примере отдельных форм денег, которые м
рассмотрим в том самом порядке, в каком они следуют у Маркса.

Поскольку деньги выполняют функцию меры стоимости, отчу
ждение денег от товара носит еще первичный, недостаточно развитый ха
рактер. Эта тесная связь между деньгами, как мерою стоимости, и товарам
проявляется как в происхождении, так и в характере меры стоимости.

Что касается происхождения меры стоимости, то Маркс не устает повторять, что мера стоимости вызвана к жизни движением и всесторонним действием самих товаров. Сами товары «создают себе сначала форму, в которой они идеально проявляются друг для друга, как меновые стоимости» (Kritik, стр. 47). «В то время, как товары сами придают себе друг для друга форму меновой стоимости, они придают золоту форму всеобщего эквивалента или денег» (Там же, стр. 48), т.-е. форму меры стоимости. Маркс хочет показать, что генезис меры стоимости находит свое об'яснение в движении самих товаров.

Не только генезис меры стоимости, но и ее характер обнаруживает тесную связь денег с товарами. Когда мы говорим, что стоимость стола равна десяти рублям, превращение товара в деньги носит еще только теоретический, мысленно представляемый характер, а сами деньги еще являются «идеальными» деньгами. Деньги не существуют еще как реальный предмет, обособленный от товара, деньги выступают здесь только как идеальная денежная форма, которая присуща самому товару и составляет свойство последнего. Можно даже сказать, что деньги представляют здесь не более, как особое свойство самого товара, его денежное бытие или денежную форму. «Денежное бытие товаров еще не отделено действительно от их реального бытия» (Там же, стр. 51). Отсюда следует, что и стоимость товара здесь не обособлена на деле от натуральной формы последнего и не имеет формы реальной вещи, противопоставленной товару. «Меновая стоимость товара получает лишь идеальное существование, отличное от товара» (Там же, стр. 53).

Конечно, сказанное не значит, что не существует еще никакой разницы между товарами и деньгами. Если деньги выполняют функцию меры стоимости, то предполагается, что выделение денег из среды всего товарного мира уже произошло. Но в своей функции меры стоимости деньги сохраняют еще самую тесную связь с товарами и выступают, как одно из свойств товара, противопоставленное другим его свойствам. Когда мы определяем стоимость товара в десять рублей, мы противопоставляем одно свойство стола (т.-е. его стоимость, равную десяти рублям) другим свойствам, которыми он отличается как определенный материальный предмет. Стоимость выступает как одно из свойств самого товара, идеально противопоставляемое его потребительной стоимости. Отчуждение денег от товара носит еще первоначальный, идеальный характер, «золото противостоит действительному товару еще лишь как мысленно представляемая мера стоимости» (Там же, стр. 53). Раз деньги рассматриваются лишь как денежная форма самого товара, то последний выступает теперь как «двойное существование», реально как потребительная стоимость, идеально—как стоимость (Там же стр. 52). Стоимость товара еще не обособилась реально от самого продукта в натуре, а тем самым и абстрактный труд еще не обособился и не нашел своего выражения в виде особого реального предмета, противопоставленного данному предмету, являющемуся продуктом конкретного труда.

Итак, деньги в своей форме меры стоимости сохраняют еще самую тесную связь с товарами, деньги выступают как денежная форма самого товара, а не как реальный предмет, противопоставленный товару. Это и имел в виду Маркс, когда говорил, что деньги, как мера стоимости, имеют «газообразную и призрачную форму» (Там же, стр. 53, 147). Эта форма денег, как увидим ниже, противопоставляется «текучим» и «твердым» формам денег, в которых процесс отчуждения денег от товаров находит свое дальнейшее развитие.

Ставя себе целью всегда проследить тонкие диалектические переходы от одной формы явлений к другой, Маркс уже в параграфе о мере стоимости

указывает необходимость превращения денег из описанной газообразно и призрачной формы в более устойчивую и фиксированную форму. Отчаст деньги приобретают более фиксированный характер уже при переходе о меры стоимости к масштабу цен. Когда мы выражаем стоимость стол не в определенном количестве весовых единиц золота (например, унций а в определенном количестве денежных единиц (например, рублей), здес имеет место бо́льшая «прочность и определенность отношений меры» (Та же, стр. 55). Золото выступает здесь как «фиксированный масштаб цен (Там же, стр. 55).

Однако в форме масштаба цен фиксация денег носит еще исключи тельно технический характер. Десять рублей выполняют здесь ту же роли какую выполняло определенное количество унций золота, счетные деньги н перестают быть идеальными деньгами. Чтобы открыть необходимость даль нейшего отчуждения денег от товара, мы должны открыть необходимост превращения идеальных денег в реальные. Эта необходимость вытекает из са мого характера идеальных денег. Хотя идеальные деньги выступают лишь ка денежная форма самого товара, но нельзя забывать, что товар здесь идеальн приравнивается к другому товару (золоту), отличному от него. Золото ест товар, отличный от пшеницы, и, следовательно, идеальное уравнение пшениц с золотом есть «уравнение с золотом, которое еще должно быть реализовано (Там же, стр. 51). Таким образом, уже в идеальной форме денег, как мер стоимости, «скрыто содержится необходимость отчуждения товара на звон кое золото и возможность того, что он не будет отчужден» (Там же, стр. 53 Отсюда вытекает необходимость перехода от меры стоимости к средств обращения, от менее отчужденной формы денег к более отчужденной.

Средство обращения является более отчужденной формо денег, чем мера стоимости. Отчуждение денег от товара находит здесь сво дальнейшее развитие. Это проявляется в превращении идеальных дене в реальные или действительные деньги. «Золото, которое в качестве мер стоимости было лишь идеальными деньгами и на деле фигурировало лиш как денежное название самих товаров, превращается в действительны деньги» (Kritik, стр. 76). Из денежной формы самого товара деньги превра щаются в реальный предмет, существующий на ряду с товаром и ему про тивопоставленный. Если в мере стоимости «денежное бытие товара еще н было на деле отделено от его реального бытия», то товар, который обме нивается на деньги как средство обращения, уже «приобретает существо вание, освобожденное от всякой связи с его натуральным существованием (Там же, стр. 75). Движение самих товаров приобретает форму внешнего дл них и чуждого им движения особой вещи, золота. «Движение форм товара превращение его в деньги и обратное превращение из денег, или движени совокупного метаморфоза товара представляется как внешнее движени одной и той же денежной монеты» (Там же, стр. 89). «Движение форм това ров,—движение, происходящее в виде процесса,—проявляется как собствен ное движение» денег (Там же, стр. 91). Нам кажется, что деньги приводя в движение товары, которые представляются сами по себе неподвижными Деньги не только отчуждены от товаров, противопоставлены им, но и сам движение товаров представляется нам как результат внешнего для них дви жения денег. А так как само движение товаров есть не более как выражени действий самих товаропроизводителей, то не удивительно, что «собствен ное всестороннее движение (самих товаровладельцев), посредством которог они совершают обмен веществ своего труда, противостоит им как сос ственное движение вещи, как обращение золота» (Там же, стр. 91).

Однако эта отчужденная форма денег от товаров не должна закры вать от глаз исследователя неразрывную внутреннюю связь между ними

Эта тесная связь проявляется и в данном случае как в происхождении, так и в характере движения денег, как средства обращения. Если золото стало мерою стоимости только потому, что все товары измеряли в нем свои стоимости, то теперь оно становится реальными деньгами лишь благодаря всестороннему отчуждению товаров на золото (Там же, стр. 77). Как мера стоимости, так и средство обращения в своем генезисе обнаруживают свою зависимость от движения самих товаров.

Эта зависимость обнаруживается и в характере движения денег, как средства обращения. Уже из приведенных выше цитат мы видели, что движение денег, как-будто чуждое и внешнее движению товаров, является на деле лишь отражением последнего. «Обращение денег есть лишь проявление метаморфоза товаров, или перемены форм, в которой совершается общественный обмен веществ» (Там же, стр. 135). Средство обращения есть лишь «метаморфозированный» товар, и «движение метаморфоз золота есть движение метаморфозированного товара» (Там же, стр. 89). «Процесс обращения (денег) есть движение метаморфоз товарного мира и должен поэтому отражать последнее также в своем общем движении» (Там же, стр. 83). Движение товаров рефлектируется или отражается в движении денег как средства обращения (Там же, стр. 83). Именно поэтому количество средств обращения зависит от суммы цен товаров, находящихся в обращении; поэтому же деньги в своей функции средства обращения, являющегося лишь мимолетным выражением стоимости самого товара, могут быть заменены символическими деньгами.

Таким образом, хотя деньги в качестве средства обращения приобретают форму особого предмета, существующего на ряду с товаром, но деньги в этой функции выполняют лишь роль посредника движения товаров. Деньги, как средство обращения, являются лишь «посредником движущегося единства Т—Д—Т, или лишь мимолетною формою меновой стоимости» (Там же, стр. 152). Деньги служат лишь посредником для превращения одного товара в другой товар, золото в этой функции является «лишь мимолетным денежным бытием самого товара» (Там же, стр. 81).

До сих пор мы рассматривали деньги в их функции или форме средства обращения. В этой форме деньги являлись лишь средством для обращения товаров и в своем движении отражали, «рефлектировали» движение самих товаров. На этом, однако, процесс обособления, «отчуждения» денег от товаров не останавливается. В своем дальнейшем развитии деньги принимают еще более отчужденную форму и еще более резко противопоставляются товару. В таком случае мы имеем уже деньги в собственном смысле слова, «деньги как таковые» (сокровище, платежное средство и мировые деньги). Мы начинаем анализ сокровища.

В данном случае, как и в других, Маркс старается прежде всего показать происхождение новой, более сложной формы из более простой, вскрыть тончайшие диалектические переходы между ними. Для этой цели он, прежде всего, доказывает, что деньги как средство обращения уже заключали в себе «возможность» возникновения более сложной формы денег в качестве сокровища. Функция денег как средства обращения предполагала, что кругооборот Т—Д—Т представляет собою «движущееся единство», в котором за продажею непосредственно следует покупка. Но уже само распадение процесса обмена на два акта (акт продажи и акт покупки) скрывает в себе «возможность» приостановки метаморфоза товара после совершения первого акта (Kritik, стр. 139). Возможность такой приостановки покоится на том, что в результате акта продажи товар принял форму денег, «золотой куколки», и в этой форме «обладает своим собственным прочным существованием» (Там же, стр. 80). «Существование товара в виде

золотой куколки образует самостоятельный отрезок в его жизни, в кото рой он может оставаться более короткое или более долгое время» (Там же, стр. 80).

Для того, чтобы эта возможность превратилась в действительност необходимо указать причины, действующие в сфере самого товарного пр изводства и обращения и вызывающие приостановку или перерыв метамор фоза товара. Одной из таких причин является то обстоятельство, что пр цесс производства продолжается более или менее долгое время, между те как покупки товаров для удовлетворения личных потребностей произво дителя и его семьи должны совершаться более часто. Поэтому товаропр изводитель после продажи изготовленного им товара должен часть дене удержать у себя, чтобы расходовать их постепенно на покупку предмето личного потребления. Эта «задержанная монета» представляе собою переходную форму от монеты или средства обращения к сокровищу Пока она остается «в руках продавца, получившего ее за свой товар, он представляет собою деньги, а не монету; как только она выходит из ег рук, она становится опять монетою» (Там же, стр. 122). Или, как выра жается Маркс в «Капитале», деньги на короткое время появляются как «кр сталл стоимости», чтобы вскоре после этого «расплыться в мимолетную экв валентную форму товара» (Капитал, I, стр. 63).

В форме задержанной монеты уже появляются признаки превращени денег из текучего средства обращения, выражающего собою текучее еди ство обоих актов продажи и покупки, в застывший «кристалл стоимости» свидетельствующий о приостановке или «застывании» процесса обращени самих товаров. При этом производитель задерживает деньги у себя именн для того, чтобы иметь возможность тратить их в любой нужный момен «Для того, чтобы деньги постоянно текли в виде монеты, монета должн постоянно застывать в деньги» (Там же, стр. 123). В этой фразе Маркс о ко подчеркивается и противоположность обеих форм денег, «текучей и «застывшей», и вместе с тем происхождение последней формы из первой

Форма задержанной монеты, в которой появляются первые признак «застывания» денег, еще не рассматривается Марксом как форма сокро вища. Задержка монеты является лишь необходимым «техническим мом том самого денежного обращения»; поэтому задержанная монета рассма тривается не как сокровище, а как часть общего фонда средств обращени временно дожидающаяся своей очереди вступления в действительное обр щение (Kritik, стр. 123).

Маркс отказывается рассматривать задержанную монету как сокро вище по той причине, что временная приостановка метаморфоза товар рассмотренная нами выше, ни в малейшей мере не изменяет характера дей ствий товаропроизводителя. Товаропроизводитель попрежнему продает сво товар для того, чтобы на вырученные деньги купить необходимые средст существования. Именно для того, чтобы иметь возможность покупать эт средства существования, он временно сохраняет у себя задержанную монет

Для того, чтобы деньги приобрели новую форму сокровища, необхо димо, чтобы изменился самый характер действия товаропроизводител Такое изменение уже вполне подготовлено предшествующим развитие товарного и денежного обращения и с внутренней необходимостью вытека из него. Товар, превратившись путем продажи в деньги, приобретает т самым форму, способную в любой момент быть превращенной в люб потребительную стоимость. Он приобретает «всегда отчуждаемую» форм т.-е. форму, всегда способную к отчуждению. Уже одно это обстоятельств что товаропроизводитель может задержать товар в этой денежной форм всегда пригодной к отчуждению, способно вызвать изменение в характер действий товаропроизводителя. «Продажа товаров для того, чтобы заде

жать их в превращенной форме золота, становится мотивом самого обращения. Метаморфоз товара Т—Д имеет место ради самого этого метаморфоза, для того, чтобы превратить товар из особого натурального богатства во всеобщее общественное богатство. Самоцелью становится не обмен веществ, а перемена форм. Меновая стоимость из простой формы движения превращается в его содержание» (Там же, стр. 125).

Теперь мы наблюдаем уже качественное изменение характера действий и мотивов товаропронзводителя. Он продает теперь товар уже не для того, чтобы купить потребительные стоимости, а для того, чтобы сохранить в своих руках самую стоимость в ее денежной форме, всегда способной к отчуждению. Только с этого момента деньги приобретают новую форму сокровища.

Маркс с разных сторон освещает диалектическую связь между новой формою денег как сокровища и их прежнею формою средства обращения. С одной стороны, он тщательно вскрывает их внутреннюю связь. Эта связь, как мы видели, проявилась уже в происхождении новой формы денег как сокровища. Возникновение этой формы было подготовлено развитием предшествующей формы и необходимо из нее вытекало. Эта же связь отражается на всем характере функционирования денег как сокровища. На первый взгляд из'ятие денег из обращения в качестве сокровища является прямою противоположностью функционированию денег как средства обращения. Но эта противоположность является абсолютною лишь до тех пор, пока мы ограничиваем наше исследование сферою самих денег и оставляем без внимания скрытую за нею сферу товарного обращения. Когда мы вовлечем и последнюю в круг нашего исследования, мы убедимся, что из'ятие денег из обращения делается именно для того, чтобы сохранить товар в его денежной форме, всегда пригодной для обращения. «Товар сохраняет свой характер богатства, товара лишь постольку, поскольку он удерживается внутри сферы обращения, а он удерживается в этом текучем состоянии лишь постольку, поскольку он окостеневает (verknöchert) в серебро и золото. Он остается в потоке движения как кристалл процесса обращения. Но сами-то золото и серебро утверждаются в качестве денег лишь постольку, поскольку онн не суть средство обращения. Как не-средства обращения они суть деньги. Таким образом из'ятие товара из обращения в форме золота является единственным средством постоянно удерживать его внутри обращения» (Там же, стр. 125. Курснв наш. *И. Р.*). В этих словах Маркс мастерски вскрывает единство и связь явленнй, отлнчающаяся на внешний взгляд противоположным характером. Именно потому, что двнжение товаров принимает форму отчужденного от него движения денег, стремление удержать товар в виде, постоянно пригодном для обращения, принимает форму из'ятия денег из обращения в качестве сокровища. Необходимая внутренняя связь между средством обращения и сокровищем проявляется также в том, что товаропроизводитель, накопляющий сокровище, стремится к постоянному его умножению и для этой цели должен бросать в обращение все новые и новые массы товаров. Сокровище, хотя бы и зарытое в землю, находится «в постоянном напряженном стремлении к обращению» (Там же, стр. 129). Сокровище может быть зарыто в земле, но «его денежная душа, его постоянное стремленне к обращению переходит к самому собирателю сокровищ» (Там же, стр. 131).

Далее, сокровнще сохраняет тесную связь со сферою обращения, так как оно представляет собою тот резервный фонд, из которого деньги постоянно приливают в сферу обращення и куда они постоянно отливают из последнего. Необходнмость этнх постоянных приливов и отливов денег

вызывается самым характером денег как средства обращения. Деньги как средство обращения функционируют в количестве, определяемом потребностями самого товарного обращения. А так как потребности товарного обращения в деньгах постоянно колеблются (в зависимости от изменения количества товаров, их цен, быстроты оборота монеты и т. п.), то и возникает постоянная необходимость увеличения или уменьшения количества денег, функционирующих как средство обращения. Это увеличение или уменьшение достигается благодаря постоянным переливам денег из резервного фонда сокровищ в сферу обращения и обратно. Происходит «застывание обращающихся денег в сокровище и выливание сокровищ в обращение (Там же, стр. 135. Курсив наш. *И. Р.*). Это застывание и выливание денег в свою очередь отражает движение самих товаров. Переход денег из формы сокровища в форму средства обращения имеет место тогда, когда в товарном мире преобладает «текучее единство покупок и продаж». Наоборот, в том случае, когда движение товаров замедляется, «средства обращения застывают в деньги в необычайно больших размерах, и резервуары сокровищ наполняются выше своего среднего уровня» (Там же, стр. 136).

До сих пор мы рассматривали связь сокровища со сферою обращения. Однако эта связь ни в малейшей мере не мешала Марксу подчеркивать и противоположный характер денег как сокровища и денег как средства обращения. Это изменение формы денег Маркс часто характеризует как переход денег из текучего состояния в застывшее. «Деньги окаменевают в виде сокровища, и продавец товаров становится собирателем сокровищ» (Капитал, I, стр. 79). Возникает противоположность «текучей формы богатства и его окаменелой формы» (Kritik, стр. 132). Исследователь должен изучить обе эти формы денег как в их единстве, так и в их противоположности. Ошибка различных экономических школ заключалась в том, что они односторонне рассматривали деньги лишь в одной из этих двух противоположных форм. Так, меркантилисты рассматривали деньги только как сокровище, классики же — только как средство обращения. «В противоположность к монетарной и меркантильной системе, которой деньги были известны только в их определенности формы, как кристаллический продукт обращения, было вполне в порядке вещей, что классическая экономия рассматривала деньги, прежде всего, в их текучей форме» (Там же, стр. 164. Курсив наш. *И. Р.*). Рикардо рассматривал «деньги изолированно в их текучей форме как средство обращения» (Там же, стр. 199. Курсив наш. *И. Р.*).

Это превращение денег из текучей формы в застывшую Маркс часто называет также превращением денег в «кристалл процесса обращения», в кристаллический продукт обращения. Этот процесс застывания или кристаллизации денег свидетельствует о том, что движение денег приобрело большую независимость и самостоятельность по отношению к движению товаров, чем это имело место при функционировании денег как средства обращения. В последнем случае деньги являлись лишь «мимолетною денежною формою товара». Деньги же как сокровище уже не являются такою мимолетною формою товара (Там же, стр. 127). Если деньги как средство обращения лишь выражали стоимость самого товара, то в лице денег как сокровища стоимость товара приобрела уже самостоятельную внешнюю форму и обособилась от самого товара. Деньги как сокровище представляют собою «первое самостоятельное обособление (Verselbständigung) меновой стоимости» (Там же, стр. 133), это — «получившая самостоятельное существование (verselbständigter) меновая стоимость» (Там же, стр. 129—130).

Если мера стоимости рассматривалась Марксом как «газообразная» форма денег, а средство обращения,—как «текучая», то сокровище высту-

пает уже как «застывшая», «твердая», «кристаллическая» форма денег. Этот процесс постепенного «уплотнения» денег означает, что движение денег все более обособляется и приобретает самостоятельный характер по отношению к движению товаров. Деньги как мера стоимости только в идее противостояли товару. С развитием новых форм денег противоположность между товарами и деньгами все усиливается. Деньги как средство обращения уже в реальной действительности противостояли товарам, но лишь для того, чтобы превратиться в мимолетную денежную форму самого товара в круго-обороте Т—Д—Т. Деньги же как сокровище приобретают гораздо более самостоятельный характер. Подобно тому, как католики признают непогрешимым только одного папу, так всем простым товарам противостоят теперь золото и серебро, «как непосредственное воплощение общественного труда» (Там же, стр. 164). Если деньги как средство обращения играли лишь роль «представителя» товаров, то, поскольку речь идет о сокровище, все товары выступают лишь как «представители золота» (Там же, стр. 120). Если раньше товаропроизводитель смотрел на деньги, как на средство для приобретения товаров, то теперь он смотрит на товары, как на средство для приобретения денег.

В этом проявляется процесс постепенного о б о с о б л е н и я, о т ч у ж д е н и я денег от товаров. Несмотря на то, что деньги возникли из товара и в своем движении подчинены движению мира товаров, они приобретают все большую самостоятельность по отношению к последнему. Переходя от меры стоимости к средствам обращения, а от последнего к сокровищу, Маркс показывает нам процесс постепенного отчуждения, застывания, кристаллизации денег.

Так как мы уже подробно рассмотрели процесс застывания или отчуждения денег в форме сокровища, то мы можем лишь кратко остановиться на п л а т е ж н о м с р е д с т в е. Прежде всего Маркс считает нужным доказать, что появление новой, более сложной формы денег вызвано развитием и потребностями самого товарного обращения и лежащими в основе последнего условиями производства. Так как для производства различных товаров требуется различное время, то моменты начала и конца производства для различных товаров не совпадают. Товаропроизводитель часто вынужден выступать в качестве покупателя раньше, чем он продал свой собственный товар. Покупка или Д—Т должна быть совершена раньше, чем совершена продажа или Т—Д. Так как товаропроизводитель еще не продал своего товара и, следовательно, еще не имеет денег, то покупка может быть совершена им лишь в кредит. Продавец становится кредитором, а покупатель должником. После того, как товаропроизводитель совершил акт покупки или Д—Т в кредит, он должен в срок, обусловленный в договоре, погасить свой долг. Для этого ему нужно теперь совершить отсроченный им раньше первый акт метаморфоза товара, т.-е. продажу Т—Д. Но, благодаря тому, что Т—Д совершается здесь уже после того, как совершен акт Д—Т, характер первого акта совершенно меняется. Теперь товаропроизводитель продает свой товар уже не для того, чтобы на вырученные деньги купить для себя средства существования. Он продает свой товар, чтобы при помощи вырученных денег погасить свой долг. Он хочет теперь «получить деньги не как покупательное средство, но как платежное средство, как абсолютную форму меновой стоимости» (Там же, стр. 142). Деньги приобретают новую форму платежного средства.

Если деньги как сокровище были из'яты из обращения, то деньги как платежное средство вступают снова в обращение, однако уже «не как мимолетное средство обращения, а как покоящееся бытие всеобщего эквивалента, как абсолютный товар» (Там же, стр. 147). «Платежное средство

вступает в процесс обращения, но лишь после того, как товар уже выступил из него. Деньги уже не обслуживают процесс. Они самостоятельно завершают его как абсолютное бытие меновой стоимости или как всеобщий товар» (Капитал, I, стр. 84).

Благодаря тому, что деньги из посредствующего момента процесса обращения превратились в его завершительное звено, их противоположность товарам выступает в более резкой форме. «Деньги вступают в обращение как единственный адэкватный эквивалент товара, как абсолютное бытие меновой стоимости, как последнее слово процесса обмена» (Kritik, стр. 141). В лице денег как платежного средства мы имеем уже не мимолетную денежную форму стоимости товара, а приобревшую «самостоятельное существование (verselbständigter) меновую стоимость» (Там же, стр. 150).

Так как продажа товара служит теперь для товаропроизводителя только средством для получения денег, необходимых ему для уплаты долга, то все товары выступают для него уже в скромной роли «представителей» денег. Деньги же из скромного представителя товаров превратились в абсолютное бытие стоимости. Противоположность между товарами и деньгами достигает здесь наиболее резкой и острой формы, особенно в периоды денежных кризисов. Правда, и собиратель сокровищ рассматривал деньги как единственное богатство, товары же в их натуральной форме — как нечто лишенное истинной стоимости. Но там речь шла лишь о воображаемом аннулировании стоимости всех товаров перед лицом золота, этого единственного воплощения стоимости и истинного богатства. Поскольку же речь идет о деньгах как платежном средстве, то в моменты кризисов мы наблюдаем уже не только мысленно представляемое, но и «действительное обесценение и аннулирование стоимости всякого материального богатства» (Kritik стр. 148). «Теперь они (деньги) уже не могут быть замещены обыденным товаром. Потребительная стоимость товара теряет свою стоимость и стоимость товара исчезает перед лицом его собственной формы стоимости. Только вчера буржуа, опьяненный расцветом промышленности, рассматривал деньги сквозь дымку просветительной философии и об'являл их пустой видимостью. «Только товар деньги». «Только деньги товар!» вопят сегодня те же самые буржуа во всех концах мирового рынка. Как олень жаждет свежей воды, так буржуазная душа жаждет теперь денег, этого единственного богатства. Во время кризиса противоположность между товаром и воплощением его стоимости, деньгами, возвдится на степень абсолютного противоречия» (Капитал, I, стр. 86). Отчуждение денег от товара приобрело здесь наиболее резкий характер по сравнению с формами денег, рассмотренными нами до сих пор.

Мы проследили постепенное усиление противоположности между товаром и деньгами. Но вместе с тем мы убеждались, что различные функции денег неразрывно связаны одна с другой, и что денежное обращение в целом отражает движение мира товаров. Более того. Можно даже сказать, что параллельно с усилением противоположности между товаром и деньгами усиливается и связывающее их единство. Функцию меры стоимости деньги выполняют для каждого товара в отдельности, функция же средства обращения предполагает «обращение товаров», в котором «кругооборот, описываемый рядом метаморфоз каждого данного товара, неразрывно сплетается с кругооборотами других товаров» (Капитал, т. I, стр. 63). Распространение функции сокровища свидетельствует о том, что целью процесса производства становится уже не потребительная, а меновая стоимость (Kritik стр. 131). Наконец, «степень, в которой деньги развиваются как исключительное платежное средство, показывает степень, в которой меновая стоимость овладела производством во всем его об'еме» (Там же, стр. 144).

Описанное усложнение форм денег отражает усложнение производственных отношений товаропроизводителей. «Процесс метаморфоза товаров, порождающий различные определенности формы денег, метаморфозирует также и товаровладельцев или изменяет общественные характеры, в которых они являются друг для друга. В процессе метаморфоза товара товаровладелец столько же раз меняет свою природу, сколько раз товар меняет свой характер, или сколько раз деньги принимают новые формы. Так, первоначально товаровладельцы противостояли друг другу лишь как товаровладельцы, затем один стал продавцом и другой покупателем, далее каждый становился попеременно покупателем и продавцом, впоследствии они стали собирателями сокровищ и, наконец, богатыми людьми. Таким образом, товаровладельцы выходят из процесса обращения не такими, какими они вступили в него» (Там же, стр. 138).

5. Капитал.

До сих пор мы рассмотрели категории простого товарного хозяйства. В виду обширности темы, дальнейшие категории будут нами рассмотрены в более кратком виде.

Яркий пример применения закона единства противоположностей мы видим уже при переходе от простого товарного хозяйства к капиталистическому. С внешней стороны разница между ними обнаруживается в различии двух формул обращения: Т—Д—Т и Д—Т—Д. Обе эти формулы противоположны друг другу; акты покупки и продажи расположены во второй формуле в обратном порядке, чем в первой. В простом товарном хозяйстве обращение включает в себя продажу ради покупки. В капиталистическом хозяйстве обращение включает в себя покупку ради продажи. В первой формуле роль крайних членов исполняет товар; во второй формуле — деньги. В простом товарном хозяйстве обращение совершается для того, чтобы обменять одну потребительную стоимость на другую. В капиталистическом хозяйстве обращение имеет своею целью возрастание стоимости, т.-е. получение прибавочной стоимости.

Несмотря на эту противоположность обеих формул обращения, они составляют единство, которое проявляется как в их историческом происхождении, так и в их одновременном действии. Исторически вторая формула Д—Т—Д возникла из развития первой формулы Т—Д—Т. Только в результате длительного развития простого товарного обращения появилось капиталистическое хозяйство со свойственной ему формулой обращения Д—Т—Д. Но после того, как появилась эта формула обращения, характерная для капиталистического хозяйства, формула простого товарного обращения Т—Д—Т не исчезла; наоборот, именно с этого времени она получила широкое развитие, так как только в период капитализма товарное производство и обращение охватило все народное хозяйство. Поэтому обращение в форме Д—Т—Д, будучи по своей природе противоположным обращению в форме Т—Д—Т, вместе с тем действует одновременно с последним и на его основе. «Поскольку две фазы Д—Т и $Т^1$—$Д^1$ являются актами обращения, постольку обращение капитала составляет часть товарного обращения вообще. Но поскольку они представляют функционально определенные отделы, стадии в кругообороте капитала... постольку капитал внутри общего товарного обращения совершает свой собственный кругооборот» (К., т. II, стр. 25) [1]).

---

[1]) Буква К. обозначает «Капитал», цитируемый по русскому изданию 1928 г. (II том по изд. 1927 г.)

Единство обеих форм обращения обнаружнвается и в их взаим обусловленности. Обращение капитала не может совершаться г отсутствии товарного обращения вообще. С другой стороны, товарное об щение происходит в формах, присущих капитализму. Обращение капита Д—Т—Д может совершаться только при том условии, если имеется рынке товар—рабочая снла, совершающая свое обращенне в форме Т—Д- (ибо рабочий продает свою рабочую силу за деньги, чтобы на эти же дени купить необходимые средства потребления). С другой стороны, обращен рабочей силы в форме Т—Д—Т невозможно при отсутствии обращения ка тала в форме Д—Т—Д. На ряду с этой взаимообусловленностью обенх фо обращения, мы замечаем и их взанмопроннкновенне. Обращен капитала включает в себя обращенне рабочей силы, так как капитали покупает рабочую снлу; обратно — продажа рабочим рабочей силы, т акт, входящий с точки зрения рабочего в обращение Т—Д—Т, обознача вместе с тем покупку рабочей силы капиталистом, т.-е. акт, входящий обращение Д—Т—Д.

Единство и противоположность обенх форм обращения Т—Д—Т Д—Т—Д являются только отражением того факта, что капиталистнчес хозяйство представляет собою одновременно и дальнейшее развитие п стого товарного хозяйства н его отрицание. Оно представляет соб дальнейшее развнтие простого товарного хозяйства, так как оно истори ски возникло из простого товарного хозяйства и, вместе с тем, дейст на основе товарного и денежного обращения. Но, с другой стороны, зак товарного обращения в условнях капиталистнческого хозяйства приоб тают форму, противоположную тем формам, которымн они отлнчалис простом товарном хозяйстве. Если простое товарное хозяйство было ос вано на обмене эквивалентов, то в капиталистическом хозяйстве мы им дело с присвоением капиталистом неоплаченного труда рабочих. «Об эквивалентов, представлявшнйся нам основной первоначальной операци претерпел такие изменения, что в результате обмен оказывается лишь вн ней видимостью... Меновое отношение между капиталистом н рабо становится простой видимостью процесса обращения, простой формой, торая чужда своему собственному содержанию н лишь затемняет его д ствительный смысл» (К., т. I, стр. 459). Но эта протнвоположно законов простого товарного хозяйства и законов капиталнстнческого зяйства не устраняет их единства, так как «первоначальное превраще денег в капитал совершается в самом точном согласии с экономическ законами товарного производства и возникающим нз них правом собств ности» (Там же, стр. 460). Иначе говоря, капиталистическое хозяйс представляет собою одновременно и дальнейшее развитие и отрицанне п стого товарного хозяйства. «Закон присвоения или закон частной собств ности, покоящийся на производстве и обращении товаров, превращае путем собственной, внутренней, неустраннмой диалектики в свою пря противоположность» (Там же, стр. 459). Связь между простым товар хозяйством и капиталистическим хозяйством носит, таким образом, хар тер единства противоположностей.

Переходим теперь к характеристике самого капитала. Уже формулы Д—Т—Д мы видим две основные черты капитала: во-первых, ка тал есть самовозрастающая стоимость, т.-е. стоимость, кото приносит прибавочную стоимость, во-вторых, капитал находится в посто ном движении, приннмая попеременно то форму денег, то фо товара. Эти две черты капитала связаны именно с тем, что капитали с одной стороны, представляет собою отрицание простого товарного хоз ства, с другой стороны,— его дальнейшее развитие. Поскольку капитал е

самовозрастающая стоимость, он отличается специфическими чертами, отсутствовавшими в простом товарном хозяйстве. Эти специфические черты суть классовые отношения между капиталистом и рабочим, заключающиеся в присвоении первым неоплаченного труда последнего. Но, с другой стороны, капиталистические отношения не устраняют товарного производства, а развиваются на его основе. Поскольку в товарном производстве мы имеем постоянное движение товаров и денег, постольку и капитал должен попеременно принимать форму товара и денег. Необходимость изучения капитала с обеих этих сторон подчеркнута Марксом во II томе «Капитала» (стр. 60): «Представление о капитале как самовозрастающей стоимости охватывает не только представление о классовых отношениях, об определенном характере общества, вытекающем из того, что труд существует как наемный труд. Капитал есть, кроме того, движение, процесс кругооборота, проходящий различные стадии и сам, в свою очередь, заключающий в себе три различные формы процесса кругооборота». Иначе говоря, мы должны изучить капитал как в сфере производства, так и в сфере обращения. Первому исследованию посвящен первый том «Капитала» Маркса, последнему — второй том.

Рассмотрим капитал в сфере непосредственного производства. С этой точки зрения капитал представляется нам как классовое отношение между капиталистами и рабочими. Возникновение этих классовых отношений знаменуется появлением резких классовых противоположностей в обществе товаропроизводителей, которое мы до сих пор представляли себе как однородную среду совершенно одинаковых товаропроизводителей. Мы знаем, что в данном случае расслоение общества однородных товаропроизводителей на два противоположных класса представляло собою длительный исторический процесс, сопровождавшийся насильственным отнятием земли у крестьянства, разорением мелких товаропроизводителей, ограблением колоний. Это был процесс первоначального капиталистического накопления. Только в результате этого длительного и насильственного исторического процесса произошло «отделение» средств производства от рабочего, и появился капитал. Не нужно поэтому думать, что к категории капитала Маркс пришел путем простого логического имманентного развития категорий простого товарного хозяйства, т.-е. товара и денег. Категория капитала является у Маркса отражением реальной действительности, так как реальные явления, соответствовавшие категориям простого товарного хозяйства, в результате исторических переворотов переросли в другие реальные явления, соответствующие категории капитала. Именно потому, что в реальной действительности появились новые производственные отношения между классом капиталистов и классом рабочих, Маркс вводит в свою систему новую категорию капитала. Но, с другой стороны, так как новые производственные отношения между капиталистами и рабочими действуют на основе и в форме производственных отношений между товаропроизводителями, категория капитала не уничтожает категорий товара и денег, а является дальнейшим развитием этих же категорий.

Появление капитала означало появление противоположностей в прежде однородной социальной среде. Произошла, по словам Маркса, «поляризация товарного рынка», появление «двух сортов товаровладельцев», а именно владельцев средств производства и продавцов рабочей силы (Kapital, т. I, 1922, стр. 680). Произошло дальнейшее развитие того процесса «отчуждения», который мы наблюдали в простом товарном хозяйстве. Но, если в простом товарном хозяйстве товар и деньги были «отчуждены» от труда после того, как процесс труда уже завершился, то в капиталистическом хозяйстве еще до начала процесса непосредствен-

ного производства имеет место отчуждение рабочей силы от средс производства. «Средства производства противостоят владельцу рабоч силы как чужая собственность. С другой стороны, продавец труда проти стоит покупателю как чужая рабочая сила» (К., т. II, стр. 6). Этот пр цесс «отчуждения» и «обособления» средств производства рабочей силы подчеркивается Марксом в самых различных его сочинени Маркс говорит, что средства производства противостоят рабочему к «чужие и самостоятельные», как «самостоятельно противостоящие и от жденные условия» труда (Teorien, т. III, стр. 314, 547 и др.). Средс производства приобретают «отчужденную форму», «обособленную» фор «противоречивую» форму, т.-е. форму, в которой они противополагают рабочему и именно благодаря этому приобретают общественный характ капитала (Там же, стр. 308, 324, 354 и др.). Происходит процесс отчужден и обособления (Entfremdung, Verselbständigung) средств производства рабочих.

Итак, появление капитала знаменовало собою появление противоп ложностей в прежде однородной социальной среде. Здесь происходит ве чайший в мировой истории процесс появления классовых противоп ложностей и противоречий. Это появление противоречий между класса имеет решающее значение, так как оно подготовляет тот суб'ективн фактор классовой борьбы, который на фоне всех противоположностей противоречий, порождаемых капиталистическим хозяйством, создает в можность перехода этого хозяйства в новую, высшую стадию. Поэто именно здесь, в сфере обрисованной нами поляризации классов, завяз вается центральный узел противоречий капиталистического хозяйства, к торый должен дать разрешение всех противоречий, присущих последнем Весь грандиозный узел различных противоположностей и противоречий, з вязанных в капиталистическом хозяйстве, может получить свое разрешен только благодаря тому мощному классовому противоречию между кап талом и трудом, которое имеет место в сфере непосредственного прои водства.

Противоречие между капиталом и трудом не устраняет их взаимоде ствия. Средства производства, составляющие капитал, созданы человеческ трудом и, с этой точки зрения, представляют собой овеществленный тр в отличие от живого труда. Но в условиях капиталистического хозяйст этот овеществленный труд приобрел господство над живым трудом: капит подчинил себе труд и включает его в себя. Это включение труда в капит происходит таким образом, что сама рабочая сила обменивается на пер менный капитал и в процессе непосредственного производства является у частью капитала.

Указанное взаимодействие между капиталом и трудом н кладывает особые черты на каждый из них и вызывает известное «р а двоение» как капитала, так и труда. Благодаря тому, что капитал до жен быть обменен на рабочую силу, он делится на две части. Та часть кап тала, которая затрачивается непосредственно на покупку рабочей силы, н зывается переменным капиталом. Та часть капитала, которая затр чивается на приобретение вещественных средств производства, называет постоянным капиталом. Эта необходимость раздвоения капитала об'я няется двойственным характером труда как абстрактного и конкретно Поскольку капиталист заинтересован в присвоении неоплаченного тру он затрачивает капитал на наем рабочей силы. Но, поскольку труд рабоче является не только абстрактным, но и конкретным трудом, он требует д своего приложения наличия определенных средств производства. Чтобы п стить рабочую силу в движение, капиталист должен купить не только э

рабочую силу, но и известные средства производства. Следовательно, часть капитала должна превратиться в постоянный капитал.

«Раздвоение» мы замечаем также и в сфере труда. Благодаря тому, что труд покупается капиталом, он разделяется на две части: оплаченный труд и неоплаченный труд. Стоимость, созданная трудом рабочего, делится на две части: стоимость рабочей силы и прибавочную стоимость. Прибавочная стоимость в свою очередь «раздваивается» и принимает две формы: абсолютной и относительной прибавочной стоимости. И в данном случае Маркс не только отмечает различие между этими двумя формами прибавочной стоимости, но и их взаимообусловленность и переход одной формы в другую (К., т. I, стр. 396).

До сих пор мы получили два деления. Капитал разделился на постоянный и переменный; стоимость, созданная трудом рабочего, разделилась на стоимость рабочей силы и прибавочную стоимость. Но не забудем, что стоимость рабочей силы представляет собою то же самое, что и переменный капитал. Ведь именно переменный капитал оплачивает стоимость рабочей силы. Если мы включим поэтому стоимость рабочей силы в самый капитал, то мы получим новое противопоставление: капитал и прибавочная стоимость. Мы получили, таким образом, три пары противоположностей: 1) постоянный и переменный капитал; 2) стоимость рабочей силы и прибавочная стоимость; 3) капитал и прибавочная стоимость. Отношение между постоянным и переменным капиталом определяет органический состав капитала $\left(\frac{c}{v}\right)$; отношение между прибавочной стоимостью и стоимостью рабочей силы определяет норму прибавочной стоимости $\left(\frac{m}{v}\right)$; наконец, отношение между прибавочной стоимостью и капиталом определяет норму прибыли $\left(\frac{m}{c+v}\right)$. Каждой из этих величин свойственна особая тенденция движения, зависящая в конечном счете от развития производительных сил труда. По мере роста производительных сил труда и успехов техники, увеличивается относительный размер постоянного капитала по сравнению с переменным и, следовательно, повышается органический состав капитала и создается основа для мощной концентрации капитала. Это же развитие производительности труда, удешевляя средства потребления рабочих и стоимость рабочей силы, действует в сторону повышения нормы прибавочной стоимости. Наконец, повышение органического состава капитала вызывает тенденцию к понижению нормы прибыли.

От капитала в сфере производства обратимся к капиталу в сфере обращения. До сих пор мы рассматривали капитал как классовое отношение между капиталистами и рабочими, т.-е. рассматривали те специфические черты капитала, которые отличают его от простого товарного хозяйства. Но, как мы уже знаем, капиталистическое хозяйство представляет собою дальнейшее развитие того же товарного хозяйства. С появлением капитала не исчезают товар и деньги; они становятся подчиненными моментами движения самого капитала. Капитал попеременно принимает форму товара и денег, проходя через различные стадии. «В обращении Д—Т—Д товар и деньги функционируют лишь как различные способы существования самой стоимости... Стоимость постоянно переходит из одной формы в другую» (К., т. I, стр. 99). Если в простом товарном хозяйстве мы наблюдали процесс раздвоения товара на простой товар и деньги (и тем самым раздвоение стоимости на товарную форму и денежную форму), то теперь мы как-будто возвращаемся обратно к стоимости вообще. Капитал есть самовозрастающая стоимость. Эта стоимость попеременно принимает то одну, то другую форму.

«Те, кто полагает, будто стоимость приобретает самостоятельное существование (Verselbständigung) лишь в абстракции, забывают, что движение промышленного капитала есть эта абстракция in actu. Стоимость проходит тут через различные формы, совершает различные движения, в которых она сохраняется и в то же время возрастает, увеличивается» (К., т. II, стр. 60). Процесс «самостоятельного обособления» стоимости достигает теперь своего более высокого развития. «В капитале самостоятельное обособление (Verselbständigung) стоимости достигает более высокой степени, чем в деньгах» (Teorien, т. III, стр. 155). Капитал в обращении представляет собою единство противоположностей—т о в а р а и д е н е г.

Мы видели, что капитал в сфере непосредственного производства представляет собою единство противоположностей, а именно вещественных и личных факторов производства, «отчужденных» и «обособленных» друг от друга, имеющих противоречивую классовую форму. Точно так же и капитал в сфере обращения представляет собою единство противоположностей — товара и денег, иначе говоря, товарного и денежного капитала. Наконец, капитал в целом также представляет собою единство противоположностей, а именно единство капитала в п р о и з в о д с т в е и капитала в о б р а щ е н и и. «Совокупный процесс воспроизводства капитала есть единство его фазы производства и его фазы обращения. Это один процесс, который проходит через оба процесса как свои фазы... Если бы они были разделены, не будучи едиными, то невозможно было бы никакое насильственное восстановление их единства, никакой кризис. Если бы они были только едины, не будучи разделены, то невозможно было бы никакое насильственное их разделение, которое также является кризисом» (Theorien, т. II, ч. 2, стр. 287).

Мы можем подвести итоги. Появление капитала мы можем рассматривать, как процесс, в котором одновременно осуществляются: 1) социологический закон дифференциации общественных г р у п п и к л а с с о в, 2) экономический закон о в е щ е с т в л е н и я производственных отношений людей и 3) обще-диалектический закон е д и н с т в а п р о т и в о п о л о ж н о с т е й. Уже в простом товарном хозяйстве мы наблюдали процесс дифференциации функций товаропроизводителей. Мы видели, что товаропроизводитель становился то продавцом, то покупателем. Мы наблюдали появление новых «общественных характеров» товаропроизводителя: собирателя сокровищ, кредитора и должника. Но все это были такие функции, которые попеременно выполнял то один товаропроизводитель, то другой, эти функции не были «кристаллизованы» за определенными лицами. Правда, Маркс отмечал, что уже функция кредитора обнаруживает способность «к более прочной кристаллизации» (К., т. I, стр. 83), т. е. способность закрепляться навсегда или на долгое время за определенным лицом. Но в виде общего правила в простом товарном хозяйстве кредитор и должник это не члены двух разных классов, а две функции, выполняемые попеременно различными товаропроизводителями. Только с появлением капиталистов и рабочих появилось деление товарного общества на классы; только с этого времени появилась резкая классовая противоположность между лицами, владеющими средствами производства, и лицами, обреченными всю жизнь продавать свою рабочую силу. Это появление классовых противоположностей знаменовало собой целый исторический переворот, скачек от общества однородных товаропроизводителей к обществу товаропроизводителей, раздираемому классовыми противоречиями.

Параллельно с этим усложнением п р о и з в о д с т в е н н ы х о т н о ш е н и й людей, усложнялись и э к о н о м и ч е с к и е ф о р м ы в е щ е й; если раньше продукт труда принимал форму товара или денег, то теперь появилась новая социальная форма — капитал. Ф е т и ш и з а ц и я произ-

водственных отношений приобретает в капитале более скрытую и запутанную форму, чем в товаре и деньгах. Уже в процессе непосредственного производства «капитал становится очень таинственной сущностью, так как все общественные производительные силы труда представляются таким способом, как будто они принадлежат капиталу, а не труду как таковому, и порождаются в его собственных недрах» (К., т. III, ч. 2, стр. 297). Уже в процессе непосредственного производства производительные силы труда принимают вид производительных сил капитала. Капитал выступает как стоимость, способная к самовозрастанию. Дальнейшая фетишизация производственных отношений людей происходит в сфере обращения капитала. Эта сфера обращения порождает новые «определения формы» (К., т. III, ч. 2, стр. 297), «новые формы, происходящие из процесса обращения» (Письма Маркса и Энгельса, 1923 г., стр. 170), например, формы основного и оборотного капитала и т. п. Благодаря этому появляется иллюзия, будто стоимость и прибавочная стоимость возникают в процессе обращения.

Описанные нами процессы дифференциации социальных групп и овеществления производственных отношений людей происходят на основе обще-диалектического закона единства противоположностей. Появление капитала обозначает появление классовых противоположностей в прежде однородной социальной среде товаропроизводителей. Единство противоположностей капитала и наемного труда в сфере производства, единство противоположностей товара и денег в сфере обращения, единство капитала в производстве и капитала в обращении, — во всех этих явлениях мы видим осуществление обще-диалектического закона единства противоположностей.

6. Кругооборот капитала.

Из учения о единстве капитала в производстве и капитала в обращении вытекает учение Маркса о кругообороте капитала. Действительно, капитал в обращении должен принять две различные формы: денежного капитала и товарного капитала. Таким образом, капитал в обращении раздваивается, и вместо прежнего двухчленного деления капитала мы получаем трехчленное деление: денежный капитал, производительный капитал и товарный капитал. Это—учение о различных функциях или фазах движения капитала.

В реальной действительности эти различные фазы движения капитала обособляются друг от друга и принимают форму трех обособленных друг от друга и противостоящих друг другу форм капитала. На поверхности явлений мы видим: 1) капитал промышленный, занятый непосредственно в процессе производства; 2) капитал товарно-торговый или купеческий, занятый обслуживанием сферы обращения, и 3) капитал денежно-торговый, находящийся в руках денежных капиталистов, которые ссужают им капиталистов производительных. Перед нами три совершенно обособившиеся формы капитала, принадлежащие трем различным группам класса капиталистов, движущиеся на основе как будто совершенно различных законов и противостоящие друг другу как самостоятельные сферы вложения капитала.

В чем заключался переворот, произведенный Марксом в учении о кругообороте капитала? Переворот этот заключался в том же, в чем заключался и переворот, произведенный им в учении о деньгах. Противоположность между товаром и деньгами, противостоящими друг другу в пространстве, Маркс превратил в последовательность движения товара через две противоположные фазы. Предметы, расположенные рядом друг с другом в пространстве, Маркс рассматривает как различные фазы движения

одного и того же процесса во времени. Этот же прием Маркс примен и в учении о кругообороте капитала. Он указал, что все три сферы капита находящиеся рядом друг с другом в пространстве, нужно рассматривать к различные фазы или стадии движения одного и того же капита т.-е. как части единого целого процесса, а не как самостоятельные и изо рованные явления. Необходимо лишить денежный и товарный капиталы обособленности и рассматривать их как обособившиеся части единого пр цесса движения капитала. «Денежный капитал и товарный капит поскольку они со своими функциями выступают на ряду с промышленн капиталом как носители особых отраслей предприятий, суть лишь достигш самостоятельности (verselbständigte) вследствие общественного разделе труда и односторонне развитые виды существования различных функц нальных форм, которые промышленный капитал то принимает, то сбра вает в сфере обращения» (К., т. II, стр. 22).

Итак, внешнюю противоположность трех обособленных форм к питала Маркс сводит к последовательности фаз движения одно и того же капитала. Каждый капитал должен пройти через три фаз первая—денежный капитал, вторая—производительный капитал и третья товарный капитал. От противоположности явлений в пространстве перейд к развитию явлений во времени. Внешние противоположности трех обос ленных форм капитала превратим во внутренние противоположности ка тала, как единого процесса, необходимо проходящего через различные с дии движения. С этой точки зрения нам становится ясна структура II и томов «Капитала» Маркса. В третьем томе «Капитала» товарно-торгов и денежно-торговый капиталы выступают как обособленные и самостоят ные сферы приложения капитала. Но понять законы их движения нель пока мы рассматриваем их как обособленные и изолированные фор капитала; вскрыть законы их движения можно только в том случае, ес мы рассмотрим эти формы капитала, как части и моменты процесса дви ния капитала в целом. И именно во II томе «Капитала» Маркс превраща товарно-торговый капитал в товарную форму промышленного капита а денежно-торговый капитал — в денежную форму промышленного ка тала. «Денежный капитал, товарный капитал, производительный капит обозначают здесь отнюдь не самостоятельные сорта капитала, функции к торых составляют содержание тоже самостоятельных и отделенных друг друга отраслей предприятий. Они обозначают здесь лишь особые функци нальные формы промышленного капитала, который последовательно прин мает их все три одну за другой» (К., т. II, стр. 20).

После того, как мы свели три противостоящие друг другу формы к питала к трем фазам движения одного и того же капитала, мы рассмотр эти три фазы как обнаружение внутренних противоположн стей, скрытых в природе капитала. Из самой природы капитала, котор представляет собою самовозрастающую стоимость, принимающую попер менно формы товара и денег, вытекает необходимость различения в капита трех различных фаз, или стадий движения. В этом движении обнаруживает внутренняя противоположность, скрытая в капитале; капитал «как капит обращения в этой своей функции отличается от самого себя, как производ тельного капитала. Это две особых, отличных формы существования одно и того же капитала» (К., т. III, ч. 1, стр. 205). Появляются «различн формы, в которые на различных своих стадиях облачается капита (К., т. II, стр. 1).

Раз капитал попеременно проходит через три различные фазы (дене ный, производительный и товарный капиталы), то в данный момент време одна часть капитала находится в одной фазе, другая часть—в друго

а третья—в третьей. Сама последовательность фаз движения капитала во времени приводит к одновременному существованию трех различных форм капитала в пространстве. «Сама последовательность в пространстве есть лишь результат последовательности во времени» (К., т. II, стр. 59). «Формы суть текучие формы, одновременность которых достигается их последовательностью» (К., т. II, стр. 60).

Итак, для понимания законов движения капитала мы должны рассматривать капитал как единство противоположностей, или как единство трех различных фаз. Но этого, однако, мало. Предположим, что мы рассматриваем капитал как единство трех фаз (денежный, производительный и товарный капитал), т.-е. в форме кругооборота Д—Т... П... Т—Д. Хотя мы рассмотрели все три фазы капитала, но все же наше исследование является односторонним, так как мы начали с денежной формы капитала и закончили денежною же формою. С этой односторонней точки зрения кругооборот капитала представляется нам, как кругооборот денежного капитала; с иной точки зрения представится нам кругооборот капитала, если мы начнем свое исследование с фазы производительного капитала и ею же закончим. В таком случае мы получим кругооборот производительного капитала (П... Т—Д—Т... П). Наконец, если мы возьмем за начало исследования фазу товарного капитала, мы получим кругооборот товарного капитала ($Т^1$—$Д^1$—Т... П... $Т^1$). Меркантилисты рассматривали весь кругооборот капитала с первой точки зрения, классики—со второй точки зрения, а физиократы—с третьей точки зрения. Благодаря этому, исследование капитала у экономистов всех перечисленных школ имело односторонний характер. Полное представление о кругообороте капитала мы получаем только в том случае, когда мы рассматриваем его со всех трех указанных точек зрения, т.-е. и как кругооборот денежного капитала, и как кругооборот производительного капитала, и как кругооборот товарного капитала. «Если мы все три формы соединим вместе, то все предпосылки процесса оказываются его результатом, предпосылкой, произведенной им самим. Каждый момент является исходным пунктом, переходным пунктом и пунктом возвращения. Процесс, взятый в целом, изображается как единство процесса производства и процесса обращения; процесс производства становится посредствующим звеном в процессе обращения, и наоборот» (К., т. II, стр. 56—57).

Мы видим, в какой мере применение закона единства противоположностей необходимо для понимания движения капитала. Процесс движения капитала мы должны рассматривать не только как единство трех противоположных фаз, но и как единство трех кругооборотов капитала. «Процесс как целое представляет единство трех кругооборотов, являющихся различными формами, в которых непрерывность процесса находит себе выражение» (К., т. II, стр. 59).

Маркс не ограничивается тем, что сводит противоположные формы капитала к единству движения капитала через три различные фазы. Аналитически сводя весь процесс к его единству, он после этого показывает нам, каким образом из единого капитала выделились три самостоятельных и обособленных формы капитала. Он прослеживает процесс «обособления» и «отчуждения» друг от друга различных форм капитала. Это отчуждение заключается в том, что различные функции капитала, например, торговые операции, становятся теперь уже не побочными операциями самого промышленного капиталиста, а выделяются и становятся специальными операциями особой группы, торговцев; происходит «выделение» из класса капиталистов особой группы, посвящающей себя обслуживанию товарного или денежного обращения.

Разумеется, это распадение класса капиталистов на отдельные группы об'ясняется в последнем счете развитием материального процесса производства, расширением рынка, увеличением размеров производства. Эти перемены в процессе производства и обмена товаров делают невозможным для промышленного капиталиста совмещать в своем лице функции руководителя производства, купца, банкира и т. д. Происходит «обособление» и «отчуждение» этих функций друг от друга; появляются, например, особые группы купцов. С этого момента «функция (торговли) является не побочной операцией производителя, а исключительной операцией особого рода капиталистов, торговцев товарами, приобретает самостоятельность (verselbständigt) как операция особого капитала» (К., т. III, ч. I, стр. 207). Точно таким же образом происходит выделение и обособление денежно-торгового капитала. «От всего капитала отделяется и обособляется (verselbständigt) в форме денежного капитала определенная часть, капиталистическая функция которой заключается исключительно в том, чтобы исполнять эти операции для всего класса промышленных и торговых капиталистов» (Там же, стр. 242).

Это выделение особой группы капиталистов представляет собою яркую иллюстрацию дальнейшей дифференциации социальных групп, дальнейшего углубления общественного разделения труда. «Это—особая форма общественного разделения труда» (Там же стр. 208),—пишет Маркс в применении к выделению торговых капиталистов.

Как видим, товарно-торговый капитал и денежно-торговый капитал представляют собою лишь обособившиеся части единого процесса движения капитала. Отсюда вытекает, во-первых, что законы их движения могут быть поняты только на фоне общего движения промышленного капитала в целом; во-вторых, эти обособившиеся формы капитала приобретают известную относительную самостоятельность, которая проявляется в специфических законах их движения; иначе говоря, движение этих обособившихся частей капитала может быть понято лишь на основе закона единства противоположностей.

Маркс нередко подчеркивает эту двойственную природу обособившихся частей капитала. С одной стороны, он подчеркивает их связь с движением промышленного капитала в целом: «Движения этого денежного капитала суть лишь движения обособившейся (verselbständigter) части промышленного капитала, находящегося в процессе своего воспроизводства» (Там же, стр. 243). Но, с другой стороны, раз эта часть капитала обособилась, она приобрела уже известную относительную самостоятельность и подчиняется особым законам. «В товарно-торговом и денежно-торговом капитале различия между промышленным капиталом как производительным, с одной стороны, и тем же самым капиталом в сфере обращения с другой,—приобретают самостоятельное существование (verselbständigt) вследствие того, что определенные формы и функции, которые временно принимает на себя в этом случае капитал, являются самостоятельными формами и функциями отделившейся части капитала и связаны исключительно с нею» (Там же, стр. 249).

Эту относительную самостоятельность обособившейся части капитала подчеркивает и Энгельс. Процесс обособления разных форм капитала Энгельс рассматривает на широком фоне общественного разделения труда. «Там, где имеется разделение труда в общественном масштабе, отдельные работники становятся самостоятельными друг от друга. Производство является в последнем счете решающим. Но, как только торговля продуктами обособляется от производства в собственном смысле, она следует своему собственному движению, над которым в целом господствует производство, но в отдельных частностях и внутри этой общей зависимости

торговля все же следует своим собственным законам, которые присущи природе этого нового фактора. У этого движения (торговли) есть свои собственные фазы, и в свою очередь оно оказывает обратное действие на движение производства». Точно так же и торговля деньгами «имеет особые законы, определяемые его собственной природой, и имеет особые фазы» (Письма Маркса и Энгельса, 1923 г., стр. 307—308).

Именно эта относительная самостоятельность товарно-торгового и денежно-торгового капитала скрывает от наших глаз их единство и связь с процессом движения промышленного капитала в целом. Если бы торговые операции производились не особым купцом, а приказчиком, находящимся на службе у самого фабриканта, «эта связь ни одного мгновения не оставалась бы скрытой» (К., т. III, ч. 1, стр. 207). Но после того, как произошло выделение особой группы торговцев, товарно-торговый капитал внешне обособился от промышленного, и именно это его «самостоятельное обособление» «затушевывает различные моменты движения» (К., т. II, стр. 65). Денежный, производительный и товарный капиталы, представляющие собою на деле лишь моменты единого процесса движения капитала, обособляются, приобретают известную самостоятельность и, как кажется на внешний взгляд, действуют самостоятельно и независимо друг от друга. Именно поэтому экономисты, наблюдавшие внешнюю поверхность явлений и рассматривавшие товарно-торговый и денежно-торговый капиталы в их «обособленном» виде, не могли понять внутренних законов движения капитала; они приходили к самым нелепым выводам о возникновении торговой прибыли в сфере самого обращения. Только Марксу удалось выяснить проблему торговой прибыли благодаря тому, что он разрушил внешнюю иллюзию независимости движения товарно-торгового капитала и рассматривал его в неразрывной связи с движением промышленного капитала в целом. Только применение закона единства противоположностей дало Марксу возможность разрешить эту трудную проблему.

Как видим, и в учении о кругообороте капитала Маркс показал нам осуществление трех указанных выше законов. С одной стороны, мы наблюдаем картину постепенного усложнения классовой структуры общества. В учении о простом товарном хозяйстве мы имели дело только с простыми товаропроизводителями; в учении о капитале мы имеем дело с производственными отношениями двух классов общества, капиталистов и рабочих; наконец, в учении о кругообороте капитала мы видим дальнейшее усложнение структуры общества; мы видим распадение класса капиталистов на несколько особых и самостоятельных групп (капиталисты промышленные, торговые и денежные).

По мере усложнения производственных отношений людей усложняются и социальные формы вещей, развивается процесс овеществления и фетишизации производственных отношений людей. Товарно-торговый и денежно-торговый капиталы приобретают самостоятельную форму, отрываются и обособляются от процесса непосредственного производства; благодаря этому возникает иллюзия образования прибавочной стоимости в процессе обращения, и производственные отношения членов общества приобретают более запутанный и фетишизированный характер.

Описанные процессы усложнения и овеществления производственных отношений людей происходят в согласии с общедиалектическим законом единства противоположностей. Движение капитала, которое мы раньше рассматривали как единый процесс, распадается на ряд обособленных и относительно-самостоятельных сфер, в каждой из которых мы обнаруживаем особые специфические формы движения. Появляются противоположности в группе явлений, образующих единство, но, с другой стороны,

между этими противоположными явлениями сохраняется единство. Обособившиеся части капитала (товарно-торговый, денежно-торговый и производительный капиталы), хотя и обладают относительной самостоятельностью, все же в общем подчинены в своем движении законам движения промышленного капитала в его целом. Движение процесса производства продолжает господствовать и над теми частями капитала, которые от него обособились и приобрели внешне самостоятельную, отчужденную форму.

7. Распадение прибавочной стоимости на доходы.

Как мы видели выше, в капиталистическом обществе стоимость годичного продукта (включая и стоимость затраченных средств производства) распадается на капитал и прибавочную стоимость. Мы уже проследили процесс усложнения и обособления отдельных частей капитала. Теперь нам предстоит рассмотреть процесс постепенного усложнения и обособления различных частей прибавочной стоимости, иначе говоря, процесс распадения прибавочной стоимости на отдельные виды нетрудовых доходов (предпринимательская прибыль, процент, торговая прибыль и земельная рента). Этому вопросу посвящена бо́льшая часть третьего тома «Капитала» Маркса. В письме к Энгельсу Маркс писал: «В III книге мы доходим до превращения прибавочной стоимости в различные формы и до распадения ее на отдельные разобщенные, друг от друга составные части» (Письма, 1923 г., стр. 170).

Распадение прибавочной стоимости на различные формы дохода является процессом, параллельным описанному выше процессу распадения промышленного капитала на отдельные и самостоятельные формы. Действительно, раз произошло распадение капитала на товарно-торговый, денежно-торговый и производительный, принадлежащие различным группам капиталистов и составляющие особые отрасли, то вполне понятно, что и прибавочная стоимость распалась на отдельные части, достающиеся различным группам капиталистов и имеющие различные формы. На поверхности явлений мы встречаем уже эти различные виды нетрудового дохода в готовой, самостоятельной или, как выражается Маркс, «твердой» форме. Мы встречаем уже отдельные друг от друга формы дохода (предпринимательская прибыль, торговая прибыль, процент), которые внешне обособлены друг от друга и движутся как будто независимо друг от друга, каждая на основании присущих ей особых законов. И в данном случае первая задача, стоявшая перед Марксом, заключалась в том, чтобы вскрыть единство, лежащее в основе этих различных форм нетрудовых доходов, чтобы лишить их кажущейся самостоятельности и представить их, как обособившиеся части единой массы прибавочной стоимости. Уже классики в своей теории стоимости наметили путь для решения этого вопроса, но они еще не знали прибавочной стоимости в ее общей форме. Только Маркс в I томе «Капитала», в своем учении о прибавочной стоимости, действительно вскрыл единство, лежащее в основе всех нетрудовых доходов. Недаром Маркс считал самым лучшим в «Капитале», на ряду с учением о двойственном характере труда, учение о прибавочной стоимости. «Прибавочная стоимость рассматривается независимо от обособленных форм, как-то: прибыль, процент, земельная рента и т. д.» (Письма, стр. 168). Еще ярче Маркс выразил особенность своего учения о прибавочной стоимости в другом письме: «В противоположность всей прежней политической экономии, исследовавшей прежде всего особые части прибавочной стоимости в их твердых формах,—как рента, прибыль, процент, считая их данными, я стал впервые изучать общую форму прибавочной стоимости, в которой все особые части еще, так сказать, находятся в растворенном состоянии» (Там же, стр. 169. Курсив

наш. *И. Р.*). Здесь Марксом ярко выражена центральная идея, руководившая им на протяжении всего его исследования, идея превращения застывших и обособленных социальных форм вещей, внешне противостоящих и противоположных друг другу, в части единого текучего процесса, в части единой массы общественного труда, находящегося в распоряжении общества.

Но Маркс, как мы знаем, никогда не ограничивался аналитическим сведением обособленных социальных форм к единому процессу, части которого они составляют; он всегда идет и обратным, синтетическим путем и показывает нам процесс постепенного обособления и отчуждения этих различных социальных форм, процесс «генезиса форм». Причины этого обособления отдельных форм прибавочной стоимости выяснены были в учении о кругообороте капитала. По мере расширения процесса материального производства и обмена произошло обособление отдельных сфер приложения капитала; одновременно с этим произошло распадение класса капиталистов на отдельные группы и распадение прибавочной стоимости на отдельные виды нетрудового дохода. Подобно тому, как отдельные формы капитала движутся как будто независимо друг от друга, точно так же и различные части прибавочной стоимости обособляются друг от друга, приобретают форму отдельных и самостоятельных доходов и движутся как будто на основе различных законов. «Различные составные части прибавочной стоимости выступают в форме самостоятельных один по отношению к другому доходов» (К., т. III, ч. 2, стр. 311). «Распадение прибыли на предпринимательский доход и процент... завершает обособление (Velselbständigung) формы прибавочной стоимости, фиксирование (Verknöcherung) ее формы по отношению к ее субстанции, ее сущности» (Там же, стр. 298—299).

На ряду с прибылью появляется особая форма дохода—процент, который движется на основании особых законов. Появление процента означает дальнейшее обособление и отчуждение прибавочной стоимости от ее источника—общественного труда. Если в прибыли все еще сохраняется воспоминание о ее происхождении из труда, то в проценте связь между доходом и прибавочным трудом рабочих совершенно порвана (Там же, стр. 299). Поэтому ссудный капитал, приносящий процент, представляет собою, как часто выражается Маркс, «наиболее отчужденную» форму капитала. Это—«автоматический фетиш», совершенно оторванный от непосредственного процесса производства, приобревший самостоятельное существование и составляющий как будто самостоятельный источник нетрудового дохода. Процесс фетишизации общественных отношений достигает наивысшей точки.

Ту же высокую степень обособления и фетишизации общественных отношений людей мы найдем в земельной ренте. «Так как здесь часть прибавочной стоимости, как представляется, связана непосредственно не с общественными отношениями, а с природным элементом, землей, то этим завершается форма обособления и фиксирования (Entfremdung und Verknöcherung) различных частей прибавочной стоимости одна по отношению к другой, внутренняя связь окончательно разрывается, и ее источники совершенно закрываются именно взаимным обособлением (Verselbständigung) отношений производства, которые теперь связываются с различными материальными элементами процесса производства» (К., т. III, ч. 2, стр. 299). Различные части прибавочной стоимости, которые на деле служат выражением общественных отношений людей, привязываются к отдельным материальным элементам производства и кажутся происходящими из последних; земля как будто порождает ренту, капитал—процент, а труд—заработную плату. «Агентам производства капитал, земельная собственность и труд представляются тремя различными независимыми источниками, из которых как таковых происходят три различных составных части ежегодно производимой стоимости» (Там же, стр. 293). Вульгарные экономисты обобщают

эти представления капиталистов в виде триединой формулы, критическому разбору которой Маркс посвятил 48 главу III тома «Капитала». Вместо того, чтобы свести различные виды нетрудового дохода к их единому источнику—прибавочной стоимости и прибавочному труду, вульгарные экономисты в своей формуле только отражают то внешнее обособление и отчуждение различных форм нетрудового дохода, которое бросается в глаза на поверхности капиталистического общества.

Обособление различных форм нетрудового дохода об'ясняет нам иллюзию, возникающую в капиталистическом обществе. Стоимость продуктов (если вычесть стоимость затраченных средств производства) распадается «на три составные части, которые принимают затем в качестве заработной платы, прибыли и земельной ренты самостоятельный вид независимых друг от друга форм дохода» (Там же, стр. 329). Но эти формы дохода, будучи результатом процесса производства, вместе с тем являются и его предпосылкой. Капиталист, приступая к процессу производства, уже заранее предвосхищает необходимость получения в результате этого процесса определенной суммы прибыли, процента и земельной ренты. Ему кажется, что стоимость продукта составляется из этих доходов; доходы представляются ему как нечто первичное, стоимость же продукта как нечто вторичное, полученное в результате сложения доходов. Весь процесс воспринимается им «не как разложение заранее данной величины стоимости на три части, принимающие форму независимых друг от друга доходов, но, наоборот, как образование этой стоимости из суммы независимых, самостоятельно определяемых каждый сам по себе составляющих ее элементов, заработной платы, прибыли и земельной ренты. Эта иллюзия возникала бы неизбежно, так как в действительном движении отдельных капиталов и их продуктов не стоимость товара предполагается как данное при распадении ее на составные части, а, наоборот, составные части, на которые она распадается, выступают как предпосылка стоимости товаров» (Там же, стр. 332). Изложенной иллюзией об'ясняется спор, который до сих пор ведется в буржуазной политической экономии, спор о том, является ли первичным элементом стоимость или доходы. Двойственное решение этого вопроса мы находим уже у Адама Смита, который то правильно утверждал, что стоимость продукта распадается на доходы, то ошибочно думал, что стоимость продукта составляется из доходов. Первую точку зрения воспринял и развил дальше Рикардо; вторая точка зрения легла в основу построений вульгарных экономистов. Маркс продолжил дальше дело Рикардо, он взял за исходный пункт своих исследований стоимость продукта, определяемую количеством товара, вскрыл происхождение прибавочной стоимости и процесс ее распадения на отдельные нетрудовые доходы. Но этим Маркс не ограничился: он указал, что доходы, являясь результатом процесса производства, становятся вместе с тем его предпосылкой. В частности, средняя прибыль, прибавляясь к издержкам производства, образует цену производства товара. Таким образом, доход (а именно средняя норма прибыли), будучи вторичным по отношению к стоимости товара в свою очередь определяет цену производства товара.

Кажущаяся самостоятельность отдельных видов нетрудового дохода не устраняет того обстоятельства, что все они составляют части единой массы прибавочной стоимости и движутся в рамках, определяемых величиною последней. А так как прибавочная стоимость вместе со стоимостью рабочей силы, составляют лишь части общей суммы стоимости, вновь произведенной трудом рабочих, то понятно что существует самая тесная связь и взаимодействие между движением нетрудовых доходов и движением заработной платы. Своим учением

о доходах Маркс заложил научную основу для понимания классовой борьбы, и это обстоятельство он подчеркнул в письме к Энгельсу, в котором излагает ему содержание III тома «Капитала»: «Так как эти три [заработная плата, рента, прибыль (процент)] являются источниками дохода трех классов—земельных собственников, капиталистов и наемных рабочих—классовая борьба, как заключение, где, наконец, находит свое завершение вся эта история» (Письма, стр. 175).

8 Кризисы.

Мы проследили грандиозный процесс обособления и отчуждения друг от друга различных производственных отношений людей и различных частей общественного труда, принимающих особые и самостоятельные формы (товар, деньги, капитал и прибавочная стоимость, различные формы капитала, различные нетрудовые доходы). Этот процесс обособления и отчуждения производственных отношений людей и соответствующих им социальных форм вещей возникает благодаря неорганизованности и анархии капиталистического производства. Но, с другой стороны, развитие капиталистического хозяйства сопровождается грандиозным ростом производительных сил и все большим об'единением процесса материального производства, который охватывает самые различные части земного шара и делает их все частями единой системы общественного разделения труда Этот рост единства системы материального производства идет параллельно с умножением социальных форм вещей, застывших и отчужденных, внешне противоположных друг другу, действующих с относительной самостоятельностью. Это обособление производственных отношений людей и социальных форм вещей является одним из главных моментов, на которые Маркс указывает в своей теории кризисов. Кризис Маркс рассматривает как такой момент, когда внешнее обособление отдельных процессов достигло большой силы, когда их относительная самостоятельность и движение их по своим относительно различным законам приводит к нарушению единства общественного процесса производства, единства, которое лежит в основе всех этих обособившихся форм. «Когда внешнее обособление (Verselbständigung) внутренне несамостоятельных, т.-е. дополняющих друг друга, актов достигает определенного пункта, то единство их обнаруживается насильственно в форме кризиса» (К., т. I, стр. 65).

В нашу задачу не входит изложение марксовой теории кризисов. Основную причину кризисов Маркс видит в неизбежном для капиталистического хозяйства противоречии между стремлением к безграничному росту производительных сил и ограниченным базисом производственных отношений людей. «Безусловное развитие производительных сил, и, следовательно, массовое производство,—на основе массы производителей, ограниченных кругом необходимых средств существования, с одной стороны, ограничение развития прибылью капиталистов, с другой стороны,—такова основа современного перепроизводства» (Theorien, т. II, ч. 2, стр. 310). Здесь Марксом в краткой форме указана основная причина кризисов. С одной стороны, мощное развитие производительных сил на основе кооперации, машин и других успехов техники приводит к колоссальному росту производства; но этому колоссальному росту производительных сил не соответствуют присущие капитализму ограниченные «условия распределения и потребления» (К., т. III, ч. 1, стр. 196), представляющие собою другую сторону производственных отношений людей. Ограничение, которое развитие производительных сил встречает в условиях распределения и потребления, заключается, во-первых, в том, что производство может вестись

лишь до тех пор, пока оно доставляет капиталисту среднюю норму прибыли, и, во-вторых, на основе антагонистических отношений распределения потребление огромной массы общества сводится к минимуму, изменяющемуся лишь в узких границах (Там же, стр. 184). Противоречие между производительными силами и производственными отношениями выражается, таким образом, в противоречии между производством и распределением, производством и потреблением. Непосредственно кризис выражается в невозможности реализации товаров по ценам, доставляющим среднюю норму прибыли, т.-е. в противоречии между процессом непосредственного производства капитала и процессом обращения капитала. Таким образом, в кризисах проявляется противоречие между всеми обособившимися друг от друга сторонами единого процесса общественного производства: между производством и обращением, производством и распределением, производством и потреблением.

Кризисы имманентно присущи только капиталистическому, а не простому товарному хозяйству. Но так как уже в простом товарном хозяйстве происходит раздвоение товара на товар и деньги и, следовательно, распадение единого акта обмена на два самостоятельные акта продажи и покупки, то уже здесь заложена возможность (но не необходимость) кризисов. Интересно показать, что все рассмотренные нами выше формы обособления различных производственных отношений людей и социальных форм вещей рассматриваются Марксом, как условия или моменты кризиса.

Мы начали изложение с распадения товара на товар и деньги; уже этот метаморфоз товара, в котором проявляется противоречие между стоимостью и потребительной стоимостью, является «наиболее абстрактной формой кризиса и потому формальной возможностью кризиса (Theorien, т. II, ч. 2, стр. 282). «Так как они (продажа и покупка) взаимно связаны друг с другом, то обособление (Verselbständigung) этих взаимно связанных между собою моментов может проявиться только насильственно, как разрушительный процесс. Именно в кризисе обнаруживается их единство, единство различного. Самостоятельность, которую эти взаимно связанные и дополняющие друг друга моменты приобрели по отношению друг к другу, насильственно уничтожается. Кризис, следовательно, обнаруживает единство обособившихся (verselbständigtes) друг от друга моментов» (Там же стр. 274).

Итак, распадение товара на товар и деньги создает первую и наиболее абстрактную возможность кризиса. В учении о функциях денег мы проследили постепенное отчуждение денег от товара; это отчуждение достигло большой силы в функции платежных средств. И действительно, появление этой функции платежных средств порождает второе условие возможности кризисов, так как при связанности целого ряда товаропроизводителей цепью долговых требований, невозможность продажи товара одним из них сразу отражается на целом ряде других лиц. «Можно поэтому сказать: кризис в своей первой форме есть метаморфоз самого товара, — распадение на покупку и продажу. Кризис в своей второй форме возникает из функции денег как платежного средства... Обе эти формы еще вполне абстрактны, но вторая более конкретна, чем первая» (Там же, стр. 282, 283). В капиталистическом хозяйстве, с его широко разветвленной цепью взаимных долговых требований и обязательств товаропроизводителей, развитие платежной функции денег, как условие возможности появления кризисов, играет особенно большую роль (Там же, стр. 285).

До сих пор мы имели дело с категориями простого товарного хозяйства, из которых вытекает лишь возможность кризиса, но не его необходимость. Необходимость кризисов кроется не в условиях простого товарного

хозяйства, а в условиях капиталистического хозяйства, к которому мы сейчас переходим. «Противоречия, обнаруженные в товарном, а затем и в денежном обращении, а вместе с ними и возможности кризисов воспроизводятся сами собою в капитале, так как действительно только на основе капитала имеет место развитое товарное и денежное обращение» (Там же, стр. 286). Поскольку мы исследуем сферу непосредственного производства капитала, мы не находим никаких новых элементов, которые об'яснили бы нам возможность и необходимость кризисов. Правда, поскольку процесс производства есть процесс производства прибавочной стоимости, в нем уже заложены те противоречия, которые находят свое выражение в кризисах, но эта возможность кризисов может обнаружиться только благодаря распадению процесса производства капитала на процесс непосредственного производства и процесс обращения (Там же, стр. 286). В этом распадении мы находим воспроизведенным в новой форме и на новой основе распадение товара на товар и деньги, которое, как мы уже видели выше, представляло собою первую и наиболее абстрактную возможность кризисов. «Совокупный процесс воспроизводства капитала есть единство его фазы производства и его фазы обращения; это один процесс, который проходит через оба процесса как свои фазы. В этом заключается более развитая возможность или абстрактная форма кризиса... Кризис есть насильственное восстановление единства между обособившимися моментами и насильственное обособление моментов, которые по существу едины» (Там же, стр. 287). Кризис вырастает на основе обособления сферы обращения капитала от сферы непосредственного производства. Но мы видели, что и в сфере обращения капитал принимает различные и обособленные формы товарно-торгового и денежно-торгового капитала; каждый из них обладает относительной самостоятельностью от процесса производства и движется на основе специфических особых законов. Это обособление различных частей капитала также составляет одно из важных условий кризиса. Обособление сферы торговли от сферы производства, распадение торговли на оптовую, розничную и т. д., самостоятельное и своеобразное движение ссудного капитала и процента, — все эти явления, как известно, играют большую роль для об'яснения хода кризисов.

Вслед за обособлением различных форм капитала, мы рассмотрели обособление различных частей прибавочной стоимости в форме особых нетрудовых доходов (прибыль, процент, торговая прибыль, рента) Мы вступили в сферу распределения, в которой производственные отношения людей выступают одновременно как отношения распределительные. У Маркса относительная самостоятельность движения, приобретаемая отдельными доходами, также является одним из существенных моментов, влияющих на кризис. Мы знаем, что отдельные виды дохода являются не только результатом, но и предпосылкой процесса производства, и прежде всего такую роль выполняет средняя норма прибыли, являющаяся регулятором расширения и сокращения производства. Средняя норма прибыли заранее предвосхищается капиталистом, который в зависимости от возможности получения большей или меньшей нормы прибыли расширяет или сокращает производство. Эта самостоятельная роль средней нормы прибыли, предвосхищаемой заранее капиталистом, имеет большое значение для понимания кризисов. В сущности говоря, кризис наступает именно тогда, когда исчезают условия для получения капиталистом средней нормы прибыли. «Периодически средств труда и средств существования производится слишком много для того, чтобы они могли функционировать как средства эксплоатации рабочих, дающей известную норму прибыли» (К., т. III, ч. 1, стр. 195). В связи с этим Маркс придавал огромное значение в своем учении о кризисах закону тенденции нормы прибыли к понижению.

Однако предпосылками процесса производства являются не только средняя норма прибыли, но и другие нетрудовые доходы. Размер их принимается заранее данным, и участники производства заранее ожидают получение этих нетрудовых доходов в определенном размере. «Часть средней прибыли, принимающая форму процента, становится в глазах функционирующего капиталиста самостоятельным элементом, предпосылкой производства товаров и их стоимости... Такую же роль в глазах земледельческого капиталиста играет земельная рента» (К., т. III, ч. 2, стр. 333). Пока производство продолжается при прежних условиях, эти доходы действительно получаются в обычном размере, и ожидание участников производства на деле оправдывается. Но при изменении условий производства, сопровождающем наступление кризиса, исчезает возможность получения этих доходов в обычном размере. При наступлении кризиса ярко проявляется неприспособленность обособившихся социальных форм вещей и в частности различных форм нетрудовых доходов к общим условиям процесса производства. В условиях кризиса «фиксированные расходы,—процент, рента,—рассчитанные на одинаковую норму прибыли и на одинаковую норму эксплоатации труда, остаются прежними и частью не могут быть уплачены» (Theorien, т. II, ч. 2, стр. 290). Кризис кладет конец видимой самостоятельности различных форм нетрудового дохода. Пока процесс производства движется в неизменяющихся и постоянно повторяющихся условиях, может показаться, что отдельные доходы действительно независимы друг от друга и своею суммою образуют стоимость товара, но на самом деле, как мы знаем, эти различные и противоположные формы дохода связаны единством всей массы общественного труда и создаваемой им массы стоимости. В обычных условиях связь различных доходов с самой стоимостью товаров и ограничение их этой стоимостью не обнаруживается на поверхности явлений (К., т. III, ч. 2, стр. 333). Но кризис, изменяя общие условия производства и тем самым условия образования стоимости и прибавочной стоимости, обнаруживает взаимную связанность всех доходов и подчинение их закону стоимости. «Кризисы кладут конец этой видимости самостоятельности различных элементов, на которые цена производства постоянно разлагается и которые она постоянно воспроизводит» (Theorien, т. III, стр. 580).

Распределительные отношения капиталистического общества, составляющие, по словам Маркса, лишь другую сторону производственных отношений, образуют основу для появления противоречия между производством и потреблением. Антагонистические отношения распределения «сводят потребление огромной массы общества к минимуму, изменяющемуся лишь в более или менее узких границах». Поэтому, «чем больше развивается производительная сила, тем более впадает она в противоречие с тем узким базисом, на котором покоится потребление» (К., т. III, ч. 1, стр. 184). С одной стороны, характерную черту капиталистического общества составляет именно отделение производства от потребления и противоположность между ними; с другой стороны, в кризисе насильственно осуществляется единство обоих этих моментов (Theorien, т. II, ч. 2, стр. 293).

Кризисы особенно ярко обнаруживают характер капиталистического общества как единства противоположностей. Если бы капиталистическое общество не представляло собою систему обособившихся и относительно самостоятельных производственных отношений людей и социальных форм вещей,—систему, исполненную величайших противоречий,—кризисы не могли бы иметь место. Но, с другой стороны, эти же кризисы обнаруживают характер этой системы, как единства, и обнаруживают подчинение всех обособившихся частей ее единому регулирующему закону стоимости. Кризисы временно восстанавливают равновесие, но лишь для того,

чтобы создать почву для более широкого развития и углубления свойственных капитализму противоречий. Тем самым все больше подготовляются условия для наступления грандиозного кризиса, разрушающего самую систему производственных отношений капиталистического общества и делающего необходимым переход от капиталистической формы хозяйства к социалистической.

9. Заключение.

Развитие теории Маркса на протяжении всех трех томов «Капитала» можно рассматривать, как яркий пример применения в политической экономии диалектического закона единства противоположностей. Маркс, переходя от одной формы производственных отношений к другой, показывает процесс постепенного их усложнения, постепенного появления качественно новых форм, противоположных предыдущим формам, процесс их постепенного обособления и отчуждения. Параллельно с появлением противоположностей в группе явлений, образующих единство, эти обособившиеся друг от друга формы все теснее связываются друг с другом в силу материального единства всего процесса производства. Противоположные друг другу и обособившиеся друг от друга формы сохраняют свое единство. Основное понятие, на котором Маркс строит всю свою систему, есть понятие определенной массы общественного труда и создаваемой им стоимости; эта масса стоимости образует ту общую раму, в пределах которой движется вся система капиталистического хозяйства. Внутри этой массы стоимости обособляется масса прибавочной стоимости, в свою очередь образующая ту раму, в пределах которой движутся все формы нетрудовых доходов. Рассматривая все социальные формы вещей как видоизмененные формы единой массы стоимости или единой массы общественного труда, Маркс вскрывает об'единяющий их внутренний закон; он уничтожает внешнюю самостоятельность и изолированность отдельных экономических явлений, рассматривая их как подчиненные части и формы единого процесса движения общественного труда.

Внешняя самостоятельность и «отчужденность» всех экономических явлений в капиталистическом обществе имеет своей основной причиной анархический и неорганизованный характер последнего, распадение общества на ряд частных «независимых» хозяйств, находящихся друг с другом в «отношении взаимной отчужденности» (К., т. I, стр. 44). Это отношение взаимной отчужденности людей находит свое выражение во всей хозяйственной жизни, в которой господствует «видимость чуждости» (Kapital, 1922, т. I, стр. 57; в русск. пер. на стр. 47 эти слова переведены как «непонятный характер»). Производственные отношения людей овеществляются, прикрепляются к материальным элементам производства, отчуждаются от самого человеческого труда и друг от друга, принимают иррациональную и отчужденную форму. Именно в этой внешней форме их воспринимают как сами капиталисты, так и вульгарные экономисты.

Классическая школа уже подготовила путь для того, чтобы за изолированными социальными формами вещей вскрыть единый динамический, текучий процесс развития производственных отношений людей. «Великая заслуга классической экономии заключается в том, что она разрушила эту ложную внешнюю видимость и иллюзию, это обособление и фиксирование (Verselbständigung und Verknöcherung) различных общественных элементов богатства один от другого, эту персонификацию вещей и овеществление отношений производства, эту религию повседневной жизни,—разрушила тем, что она свела процент к части прибыли и ренту к избытку над среднею прибылью, так что обе сливаются в прибавочную

стоимость; тем, что она представила процесс обращения, как простой метаморфоз форм, и, наконец, в непосредственном процессе производства свела стоимость и прибавочную стоимость товаров к труду» (К., т. III, ч. 2, стр. 299—300). По словам Маркса, классики уничтожили обособленность различных форм нетрудового дохода и различных форм капитала и открыли в труде источник стоимости и прибавочной стоимости. Однако, не говоря уже о том, что классики не разрешили полностью эту задачу, а лишь наметили путь для ее разрешения, метод их страдал следующим существенным недостатком: классики пытались при помощи анализа свести обособленные и отчужденные друг от друга формы богатства к их внутреннему единству,— в последнем счете к труду. Но классическая школа ограничивается этим аналитическим сведением и не проделывает обратного синтетического пути; она не показывает, каким образом из единства возникают различные, постепенно обособляющиеся и внешне независимые друг от друга формы; она не показывает нам процесса постепенного развития и образования форм, процесса «генезиса форм» (Theorien, том III, стр. 571—572). Так как классики от единства не могут притти к различию форм, имеющихся на поверхности явлений, то они при об'яснении последних нередко сами впадают в вульгарные, фетишистические представления; отсюда смешение трудовой и вульгарной точек зрения в системе классиков.

Маркс сумел не только вскрыть единство, лежащее в основе противоположных явлений, но и сумел проследить весь процесс генезиса форм, который приводит к дифференциации внутри единства и появлению в нем противоположных форм. Социальные формы вещей, которые кажутся внешне самостоятельными и чуждыми друг другу, Маркс рассматривает как «отчужденную форму проявления экономических отношений» (Kapital, т. III, ч. 2, стр. 352). Маркс прослеживает процесс постепенно усложняющегося овеществления производственных отношений людей. «Отношения производства об'ективируются и приобретают самостоятельное (Verselbständigung) по отношению к агентам производства существование» (К., т. III, ч. 2, стр. 300). Происходит взаимное обособление отношений производства, которые теперь связываются с различными материальными элементами процесса производства (Там же, стр. 299). Чем больше развивается дифференциация общества и расслоение его на различные классы и группы, чем больше усложняются производственные отношения между ними, чем больше обособляются друг от друга различные сферы процесса общественного производства, тем больше фетишизируются общественные отношения, и скрывается внутренний закон, на основе которого они движутся. «Действительный процесс производства, как единство непосредственного процесса производства и процесса обращения, порождает все новые и новые образования, в которых все более утрачивается нить внутренней связи, отношения производства все более приобретают взаимно самостоятельное существование (sich verselbständigen), и составные части стоимости фиксируются (verknöchern) в самостоятельных одна по отношению к другой формах» (Там же, стр. 298).

Вульгарные экономисты ограничиваются рассмотрением экономических явлений в их вещной, обособленной, изолированной форме; это и значит, что они ограничиваются рассмотрением поверхности явлений, исследованием «видимости» явлений. В противоположность им, Маркс хочет вскрыть «внутренний закон» явлений. Для этого он лишает экономические явления их кажущейся внешней самостоятельности, рассматривает их в их внутренней связи друг с другом, как части единого процесса общественного производства. С этой точки зрения, взаимодействие между ними имеет уже характер не взаимодействия между обособленными и чуждыми друг другу явлениями; речь идет уже о взаимодействии их в пределах единого процесса, по отношению к которому они представляют собою лишь внешне обособив-

шиеся части и формы. Они выступают уже не как «обособленные» друг от друга, а как «обособившиеся» части единого процесса производства, не как «чуждые» друг другу, а как «отчужденные» друг от друга производственные отношения людей и социальные формы вещей. И именно поэтому они выступают уже не как безразличные друг к другу, а как связанные друг с другом одновременно и отношением единства и отношением противоположности. По словам Маркса, вульгарные экономисты рассматривают «различные формы прибавочной стоимости и формы капиталистического производства не как отчужденные, а как чуждые и безразличные, как просто различные, а не противоположные друг другу» (Theorien, т. III, стр. 575, 576) [1]). Именно потому, что экономические явления выступают как обособившиеся и отчужденные части единого процесса, они не безразличны друг к другу, а находятся друг с другом в состоянии противоречий и борьбы. Эта борьба различных противоположных и противоречивых элементов капиталистического хозяйства, находящая свое высшее выражение в борьбе между классами капиталистов и рабочих, подготовляет почву для действительного «снятия» отчужденных и обособленных форм общественной жизни и для действительного обнаружения того единства, которое лежит в их основе. Чем больше возрастает власть «отчужденного» труда (т.-е. капитала) над живым трудом, тем больше создаются условия для уничтожения этого отчуждения. Именно в силу того, что капитал развивает мощные производительные силы труда, которые не могут уже действовать в рамках капиталистических производственных отношений, он подготовляет свой собственный конец. «Капитал все более проявляет себя, как общественная сила, которая действует через капиталиста и не находится уже решительно ни в каком отношении к тому, что может создать труд отдельного индивидуума, как чуждая, получившая самостоятельное существование—(entfremdete, verselbständingte) общественная сила, которая противостоит обществу, как вещь и как власть капиталиста, осуществляемая посредством этой вещи. Противоречие между общей общественной силой, в которую превращается капитал, и частной властью отдельных капиталистов над этими общественными условиями производства все более развивается в кричащее противоречие и носит в себе разрешение этого отношения, так как оно вместе с тем предполагает выработку условий производства во всеобщие, коллективные, общественные условия производства» (К., т. III, ч. 1, стр. 201). Социальная революция мыслится Марксом, как уничтожение «отчужденной» и «обособленной» формы производственных отношений людей.

[1]) Интересно, что эта мысль о различии между «чуждым» и «отчужденным» встречается у Маркса уже в самых ранних его работах. Так, например, в одной ранней работе 1844 года Маркс писал о «снятии предметности под категорией отчуждения,—которое должно развиваться от безразличной чуждости до действительного враждебного отчуждения» (Архив Маркса и Энгельса, т. III, стр. 269).